

С.Н. Искюль*

ФРАНЦУЗЫ В МОСКВЕ В 1812 ГОДУ**

Москва! – Давно ли пламень пожара свирепел на твоих площадях и улицах – главы церквей и кровы чертогов твоих с треском рассыпались на земле, упавая из облаков дыма? ...Давно ли Русские, отчужденные от тебя, своей матери, видели неистового врага, вторгшегося в твои стены...

Русский Инвалид. 1827. № 211

Провидцы не переводились на Руси никогда. «Взятие» Москвы неприятелем и год, в который это должно совершиться, были предсказаны, оказывается, еще в самом начале царствования Александра I. С таким невероятным, казалось бы, заявлением выступил в октябре 1801 г. иеромонах Авель, только что выпущенный из Соловецкого монастыря, где проходил «исправление».

В миру этого человека звали Василий Васильев. Известно, что он родился в деревне Акулове Алексинского уезда Тульской губернии в 1757 г. и был крестьянином вотчины Льва Александровича Нарышкина. С раннего возраста Васильев странствовал «по разным местам» пока, наконец, не оказался на Валааме, где и постригся в монахи в 1785 г. (согласно послужному списку 1823 г., Авель совершил постриг в 1797 г. в Александро-Невской Лавре).¹ Своими небезопасными пророчествами Авель стал заниматься в Бабаевском (Николая Чудотворца) монастыре на Волге, где написал «те самые тетради, которые наделали ему столько бед»².

В первых двух «тетрадах» Авель предсказал скоропостижную кончину Екатерины II, за что в марте 1796 г. его «в железах» привезли в Петербург, а затем императрица распорядилась поместить его в «Шлюшенбургскую крепость в число секретных арестантов». После смерти Екатерины II, узнав о деле Авеля, Павел распорядился привезти его к себе, разговаривал с ним, после чего предсказателю было разрешено пребывание в Александро-Невском монастыре. Спустя год Авель с раз-

* *Сергей Николаевич Искюль, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.*

** Автору статьи доставляет удовольствие выразить благодарность руководству Дома наук о человеке (Maison des sciences de l'Homme, Paris) и лично г-же С. Кольпар за предоставленную возможность работать в парижских библиотеках, в том числе и в библиотеке Института славянских исследований.

¹ *Розанов Н.П.* Прорицатель монах Авель // Русская Старина (далее – РС). 1875. № 4. С. 818.

² *Русский Архив (далее – РА).* 1878. № 7. С. 354.

решения императора отправился на Валаам, но оттуда, узнав о новом пророчестве, — дате собственной кончины — Павел 26 мая 1800 г. повелел привезти его обратно в Петербург и заключить в Петропавловскую крепость «за различные сочинения, заключающие в себе пророчества и другие инакозначащими литерами нелепости». В марте 1801 г. Авеля препроводили обратно на Соловки, но уже в октябре освободили по указу Святейшего Синода³.

Монах не угомонился, продолжив сочинение своих пророчеств, в том числе рокового предвещения на 1812 год:

Ныне от Адама семь тысяч и триста и двадесятый год, а от Бога Слова тысяча и восемьсот и второй на десять. И слыша мы в Соловецком монастыре, яко бы южный царь или западный, имя ему Наполеон, пленит грады и страны, и многия области, уже и в Москву вшел. И грабит в ней и опустошает все церкви и вся гражданския, и всяк взывая: Господи помилуй и прости наше согрешение. Согрешихом пред Тобою, и несть достойны нарекатися рабами Твоими; попустил на нас врага и губителя, за грех наш и за беззакония наша! И прочая таковая взываху весь народ и все людие...

РС. 1875. №. 2. С. 422.

В третий раз в Соловецком монастыре Авель «задержался» на 10 лет и 10 месяцев⁴. На исходе 1812 г., когда предсказанное им в очередной раз сбылось, его «выписал» в Петербург член Государственного совета и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий А.Н. Голицын. После «таинственных бесед с этим главою тогдашнего духовничества» Авелю была предоставлена полная свобода, теперь уже навсегда⁵. Умер прорицатель в суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре в 1841 г.

* * *

Вторая столица Империи всегда занимала особое место в событиях «приснопамятной» войны: тогда, когда принимала в своих стенах приехавшего из армии российского императора, в ожидании своей участи до и после падения Смоленска, казалось, примирившаяся с неизбежным

³ РС. 1875. № 2. С. 420.

⁴ В воспоминаниях генерал-майора Льва Николаевича Энгельгардта имеется примечание, что Александр I, узнав о пророчестве насчет Москвы, приказал посадить Авеля в Петропавловскую крепость, а по изгнании неприятеля повелел его освободить. — *Энгельгардт Л.Н.* Записки. М., 1867. С. 218.

⁵ РА. 1878. № 7. С. 365.

после Бородина и в течение шести недель находясь «под французом». Бытописцы 1812 г., а с ними и историки «приснопамятного» года всегда отзывались на толки об оставлении Москвы, о виновнике пожара Московского и о том, как переживали московские городские сословия то, нередко, бестолковое время ростопчинского правления.⁶ Однако общая и многообразная картина бытия Москвы и московского общества в 1812 г. остается непрочитанной и не осмысленной в контексте первой за два столетия войны внутри России.

После Бородинского сражения расчет М.И. Кутузова строился на том, что армия должна далее отступать именно через Москву, а никак не иначе. По свидетельству ординарца главнокомандующего князя Александра Борисовича Голицына, на предложения отвести войска на Калугу светлейший заявил следующее: «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на Провидение, ибо она спасет армию. Наполеон подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва — это губка, которая всосет его в себя»⁷.

Вместе с тем генерал-губернатор и московский главнокомандующий Ф.В. Ростопчин в течение всего августа оставался в полном неведении относительно намерений Кутузова и поэтому принимал свои, преимущественно полицейские, меры:

«От Главнокомандующего в Москве

Здесь есть слух и есть люди, кои ему верют и повторяют, что я запретил выезд из города. Если бы это было так, тогда на заставах были бы караулы и по несколько тысяч карет, колясок и повозок во все стороны не выезжали. Я рад, что барыни и купеческия жены едут из Москвы для своего спокойствия. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьев, и родню, которые при женщинах в будущих отправились, без возврату. Если по их есть опасность, то непристойно; а естли нет ея, то стыдно. Я жизнию отвечаю, что злодей в Москве не будет, и вот почему: в армиях 130 тысяч войска славнаго, 1800 пушек и Светлейший Князь Кутузов, истинно Государев избранный Воевода Русских сил и

⁶ См. не потерявшие своего весомого научного значения труды А.Н. Попова, в особенности его сочинение «Москва в 1812» (РА. 1875. № 7), многое из которого почерпнуто и помещено в книге Н.С. Матвеева «Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 г.» (М., 1912), а также, с включением в канву повествования материалов новых документальных публикаций, нашло свое отражение в соответствующих статьях юбилейного издания «Отечественная война и русское общество» (СПб., 1911–1912. Т. 1–7). По разным причинам последующая отечественная историографии за весьма редким исключением не восприняла этих достижений историографии, ей предшествовавшей, и была сосредоточена на освещении иных, преимущественно военных, сюжетов войны и эпохи в целом.

⁷ Записки о войне 1812 года князя А.Б. Голицына // Военный сборник. 1910. № 12. С. 24.

надо всеми начальник; у него сзади неприятеля Генералы Тормасов и Чичагов, вместе с 85 тысяч славного войска; Генерал Милорадович из Калуги пришел в Можайск с 36 тысячами пехоты, 3800 кавалерии и 84 пушками, пешей и конной артиллерии. Граф Марков чрез три дни придет в Москву с 24 тысячами нашей военной силы, а остальные 7 тысяч в след за ним. В Москве, в Клину, в Завидове, в Подольске 14 тысяч пехоты. А естли мало этаго для погибели злодея, тогда уж я скажу: ну, Дружина Московская! Пойдем и мы! И выдем сто тысяч молодцов, возьмем Иверскую Божию Матерь, да 150 пушек и кончим дело все вместе. У неприятеля же своих и сволочи 150 000 человек; кормятся пареною рожью и лошадиным мясом. Вот, что я думаю и вам объявляю, что иные радовались, а другие успокоились, а больше еще тем, что и Государь Император на днях изволит прибыть в верную свою Столицу. Прочитайте; понять можно все, а толковать нечего»⁸.

Но для смятенного настроения московского люда характерно было то, что афишки генерал-губернатора в успокоение отнюдь не приводили, и люди во всем, не задумываясь, с легкостью усматривали тайну. Запуганная и запутанная фантазия обывателей повсюду искала пищи для взбудораженных чувств. Москва полнилась слухами о чудесных явлениях и разного рода «голосах», слышанных будто бы на кладбищах, о пророчествах, видениях и прочих пустяках. В Апокалипсисе отыскивали пророчества о падении Антихриста (Наполеона) и о том, что «северная» страна, которую придет покорять страна «южная», будет избавлена избранником Божиим Михаилом (на утешение верующим так звали Барклая, Кутузова и Милорадовича).

Тогда же в Москве с легкой руки какого-то масона («мартиниста») был распушен «ядовитый слушок» о том, «будто Наполеон есть сын Императрицы Екатерины, которого она приказала воспитывать в чужих краях, и будто на одре своей смерти она потребовала от императора Павла клятвы, что он уступит половину Российской империи своему брату Наполеону, если тот когда-нибудь придет туда».⁹

Вообще, по воспоминаниям «первого ратника Московского ополчения» С.Н. Глинки, весь август месяц «было великое волнение умов в Москве» и вполне естественное в иное время посещение храмов и монастырей людьми состоятельными и знатными, ныне вызывало явное негодование. При виде «бар и барынь, скачущих по церквам, народ кричал: “Вот теперь стали молиться, а то пиры, да бала! Плясали, мотали, да

⁸ Растопчинские афиши / Собрал и издал П. А. Картавов. СПб., 1904. С. 51.

⁹ *Растопчин Ф.В.* Москва и двенадцатый год в записках графа Ф.В. Растопчина / Пер. с фр. И.И. Ореуса // РС. 1889. № 12. С. 682.

и накликали беду!»¹⁰ Толков по Москве ходило в то время и самом деле немало.

«В Москве говорят, — писала фрейлина М.А. Волкова, жалуясь своей приятельнице В.И. Ланской на обилие слухов, — что французов побили раз пять или шесть. Хорошо бы, если б мы в действительности одержали хотя одну победу, тогда бы скоро отделались от жестокого врага человечества»¹¹. Московских барынь и их мужей Ростопчин до последней решительной минуты как мог успокаивал своими разуверительными тирадами. До поры до времени речи губернатора оказывали свое действие, но в целом жители не очень-то верили заверениям Ростопчина насчет безопасности столицы и уже после сражения при Смоленске потянулись подальше на юг и на восток.

По рассказам известной «бабушки» Е.П. Янковой, «однажды приехали мы с мужем к Апраксиным: в гостиной множество гостей; Екатерина Владимировна (Апраксина, урожденная Голицына), как всегда, спокойная и веселая, Гедеонов (Александр Семенович, будущий директор императорских театров — *С.И.*) и Яковлев (Алексей Семенович, актер — *С.И.*) что-то рассказывают и шутят, и Степан Степанович (Апраксин — *С.И.*) тоже превеселый... Немного погодя, взял он мужа за руку и повел к себе в кабинет и говорит ему: “Вы не полагайтесь, Дмитрий Александрович, на официальные известия и на то, что говорит Ростопчин, — дела наши идут нехорошо, и мы войны не минуем. Главнокомандующий с войском около Смоленска и государь был уже или на днях будет... Не разглашайте, что я вам говорю, а собирайтесь понемногу и укладывайтесь: может случиться, что Бонапарт дойдет и до Москвы, будьте предупреждены. Все это может случиться скорее, чем мы ожидаем...”¹² По «рассказам» той же бабушки, еще в июле бывали случаи, когда на московских заставах ежедневно записывали отъезжающими до 2000 карет.

15 августа Ростопчин писал генералу от инфантерии графу Петру Александровичу Толстому, «Москва спокойна и тверда, но пуста: ибо дамы и мужчины женского пола уехали...»¹³, а чуть позднее — министру полиции Александру Дмитриевичу Балашову, 18 августа: «Женщины, купцы и ученая тварь едут из Москвы, и в ней становится просторнее»¹⁴.

Но некоторые до последнего колебались с отъездом как, например, Н.М. Карамзин. 27 августа он писал брату Василию Михайловичу: «На-

¹⁰ Глинка С.Н. Записки о 1812 году ... первого ратника Московского ополчения. СПб., 1836. С. 256.

¹¹ РА. 1872. № 12. С. 2380.

¹² Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. СПб., 1885. С. 130

¹³ РА. 1885. № 11. С. 410.

¹⁴ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 102.

конец я решился силою отправить жену мою с детьми в Ярославль, а сам остался здесь и живу в доме у главнокомандующего графа Федора Васильевича, но без всякого дела и без всякой пользы. Душе моей противна мысль быть беглецом: для этого не выеду из Москвы, пока все не решится...». И далее: «Я довольно здоров и тверд; многие мне кажутся малодушными. Верно, что есть Бог! Участь моя остается в неизвестности...»¹⁵.

28 августа арьберггард российской армии во главе с М.И. Платовым, усиленный наименее потерпевшим при Бородине 1-м кавалерийским корпусом генерала Ф.П. Уварова, был вынужден уступить неприятелю Можайск. Недовольный действиями казачьего атамана, не сумевшего удержать неприятеля на значительном расстоянии от отступавших по старой Смоленской дороге основных сил, светлейший поручил начальство над арьберггардом генералу М.А. Милорадовичу.

В ночь на 29 августа жители увидели отблеск бивачных костров российской армии на расстоянии сорока верст от города. Москва была поражена ужасом. Это сияние открыло, наконец, глаза обывателям на ожидавшую их участь. Поиск изменников, который, по мнению «заинтересованных» лиц, хоть как-то мог объяснить, почему французов «допустили» на самый порог Москвы, уже не обладал «прелестью новизны», хотя продолжал будоражить встревоженные умы. Головы наполнились разнообразными планами и химерами, одна безумнее другой. Среди прочего сохранилось даже предание о том, что некая московская дама явилась к Ростопчину с предложением собрать эскадрон «амазонок»!¹⁶ Жаль, что и говорить, но это предположение не пришлось по вкусу генерал-губернатору.

«Мысли, души, весь быт Московский был в разброде».¹⁷ Город, по словам всезнающей народной молвы, был обречен на «всесожжение», поэтому его следовало покинуть как можно скорее. «Трудно описать суматоху и тревогу в Москве, — вспоминал профессор Московского университета И.М. Снегирев, — которая представляла из себя позорище какого-то переселения: все суетились, хлопотали, одни зарывали в землю или опускали в колодцы свои драгоценности, или прятали их в потаенных местах в домах; другие собирались выехать из Москвы, не зная еще куда безопаснее укрыться от врагов, искали лошадей и ямщиков; иные оставались на своих местах, запасались в арсенале оружием, или в уповании на Божию помощь молились. Многие даже готовились к грозившей напасти исповедью и причащением Св. Тайн»¹⁸.

¹⁵ Атеней. 1858. Ч. 3. С. 485.

¹⁶ РС. 1889. № 12. С. 710.

¹⁷ Глинка С.Н. Записки. С. 52.

¹⁸ РА. 1866. С. 541.

Всякий день по улицам «во все заставы, кроме Смоленской или Драгомиловской, тянулись вереницы карет, колясок, повозок, кибиток и нагруженных телег. Иные отправляли на барках всякие утвари домашние; иные увозили с собою и гувернеров детей своих». ¹⁹ Воспоминатель оговаривался, что упоминает об этом «не в укоризну», а потому, что «такие вывозы и выезды крайне сердили и раздражали народ».

По воспоминаниям «старушки», популярной писательницы и автора историко-беллетризованных сочинений Е. В. Новосильцевой, выступавшей под именем «Т. Тольчевой», «такое множество потребовалось разом телег и лошадей, что неоткуда было их достать. А извозчики-то видят, что большой спрос и такие цены заломили, прости им Господи, что одним только богатым было с руки нанимать. Видят, безбожники, Господь и так наказание посылает, а они думают как бы слезами своих же наживаться. Да еще Бог знает, пошли ли им впрок эти денежки. Сколько бедных людей принуждены были в Москве остаться. Кто все добро потерял, а кто и сам погиб. По улицам тянулись что днем, что ночью кареты да повозки. Многие тоже пешком уходили, иные с детьми на руках, иные с каким добром».

Но, по словам той же Новосильцевой, бывало и так, что «иные выехать-то выедут, а как доберутся до деревни, их на ночлег никто в избу не пустит. «Зачем, мол из Москвы выезжаете? На что ее врагу на разграбление отдаете?» ²⁰

Разумеется, не обходилось и без досадных недоразумений. Так, спасавшиеся в одной из карет или кибиток тетки, сестры и свояченицы, принадлежавшие к какому-то московскому семейству, едва не лишились всех кучеров и лакеев, которых по дороге чуть было не забрали в ополчение ²¹.

Возникает вопрос: почему москвичи все-таки стремились покинуть город? Ведь не Батый же, в конце концов, и не Тохтамыш стояли у ворот! Зачем же было оставлять свои дома, бросая большую часть имущества на произвол судьбы?

Многих, вероятно, посещали мысли, сходные с рассуждениями дворника Петра Ефимова, служившего в доме Марфы Яковлевны Кротковой на Большой Басманной: «Что за вздор! не съест же меня Француз!» ²². В самом деле, жители европейских столиц и городов едва ли задумывались над вопросом: остаться на месте или уехать? Но на Руси испокон веков жили с вечной оглядкой на то, что «скажут» соседи, власти и Бог еще

¹⁹ Глинка С. Н. Записки. С. 41.

²⁰ Тольчева Т. Рассказ старушки о двенадцатом годе. М., 1878. С. 40–41.

²¹ РА. 1877. № 7. С. 363.

²² Рассказы очевидцев двенадцатого года. М., 1880. С. 2.

знает кто... Тем более, что и учреждения московские начали увязываться в ожидании обещанных генерал-губернатором телег и лошадей.

По словам Е.П. Янковой, в то же время «велено игуменьям забрать, что в монастырях, в ризницах лучшего и драгоценного, и укладывать, чтобы все было наготове, когда потребуют». Что и было сделано, и из московских монастырей и церквей «всяких сокровищ» было увезено на 600 подводях. Патриаршую ризницу и Оружейную палату Кремля также увезли подальше от грядущего неприятельского нашествия. Укладывались и особы партикулярные, и «из Москвы стали многие выбираться, и все казалось, что еще близко...»²³, но настоящее бегство началось после сражения под Москвой.

Принимались в то время и меры по эвакуации богоугодных учреждений, подведомственных императрице Марии Феодоровне. Сама императрица-мать озаботилась сделать потребные распоряжения, которые, правда, могли не всегда доходить до адресата. В письме от 19 августа почетному опекуну московского Воспитательного дома Николаю Ивановичу Баранову она, между прочим, писала: «...С душевным прискорбием усмотрела, что наступило время принять те меры осторожности, которые я предписала на случай несчастья; но с тем вместе с утешением вижу, что решились на перевоз воспитанниц обоих девичьих Училищ, которые не взяты родителями и родственниками, и что вы, согласно с желанием моим, следуете с ними вместе в путь <...>. Я препоручаю девиц особливому старанию вашему, наипаче в путешествии водою, дабы приняты были всевозможные меры предосторожности предохранить их от простуды при наступающей довольно суровой погоде <...>; а по прибытии на место я в полной мере полагаюсь на ревностное попечение ваше, что распоряжения сделаны будут как возможно лучше к размещению девиц и учреждению дальнейшего их пребывания...».²⁴

Но уже через неделю, в письме от 26 августа, императрица писала: «Но чего к крайнему прискорбию моему отменить уже не могу и о чем не могу вспомнить без огорчения и почти без слез, это отправление девиц, дочерей Российского Дворянства, в телегах, и то куда? Из столицы Российской! Пусть так, что необходимость принудила к сему экипажу для воспитанниц Александровского Училища, дочерей нижних офицерских чинов и подобно сему звания или еще ниже оною людей; а для девиц из лучшего дворянства неужели бы не нашлось в обширной, изобильной Москве способа (достать) хотя наймом потребного числа карет, в дополнение данного от усердных к сим заведениям особ, которых имена я с признательностию видела в доставленном вами списке? <...> Я призна-

²³ Рассказы бабушки... С. 122, 133.

²⁴ РА. 1870. С. 1499–1500.

юсь, что не понимаю, как могли решиться возить сих девиц в телегах, и я истинно со стыдом представляю себе, какое действие произвело сие позорище...». Императрица-мать предписывала по прибытии во Владимир найти нужное число карет и отдала распоряжение губернаторам оказывать подопечным Баранова «нужное пособие».²⁵

Доживавший свой век в столице князь Федор Николаевич Голицын «по случаю приближения к Москве Бонапарта» тоже принужден был покинуть город: «Долго я колебался с выездом, и главнокомандующий гр. Растопчин уверял, что Французы до Москвы не дойдут, хотя многие уже из Москвы передо мною выехали, да и казенные места начали отпираться. Однако ж я все полагался на слова главнокомандующего и для того из дому почти не вывез ничего»²⁶. С упомянутым выше Барановым (свойственником Голицына – *С.И.*), сопровождавшим «институт молодых девиц», князь добрался до Владимира, где и узнал о сдаче Москвы французам.

Во избежание народного буйства, отдельные акты которого уже проявлялись в Москве, власти распорядились «елико возможно» оставлять внутреннее убранство церквей без совершенного опустошения, отодвинув решение вопроса, что с ним делать, на последний момент. Преосвященный Августин велел запереть колокольни и даже обрезать веревки у набатных колоколов, дабы нечаянным звоном не вызвать всеобщей паники...

Несмотря ни на что, 30 августа в Москве праздновалось тезоименитство государя. В пустых ярко освещенных залах Благородного собрания в присутствии лишь «с полдюжины раненых молодых, да с дюжину не весьма пристойных девиц»²⁷ имел место маскарад. В новопостроенном театре у Арбатских ворот играли драму С.Н. Глинки из времен Ивана Грозного «Наталья, боярская дочь» (начало в 5 часов), где в конце 3-го действия возникает пожар. Согласно «Объявлению» к № 69 «Московских ведомостей» от 28 августа, «После спектакля на оном же театре дан будет маскарад, в коем будут оркестры, составленные из инструментальной и роговой музыки и хор певчих, который будет петь Польские <...> О.А. Козловского. Приезд в маскарад начнется в 9 1/2 часа...». Между прочим, нет никаких свидетельств, что все это было отменено. Не иначе как в «маскераде» исполнялся один из полонезов Козловского на слова Г. Державина «Гром победы раздавайся, веселися храбрый Росс!..».

Московскому обывателю, в те дни, было от чего прийти в оторопь посреди возникавших то и дело слухов и бойкой риторики афишек, ко-

²⁵ Там же. С. 1501–1502.

²⁶ Там же. 1874. № 5. С. 1331.

²⁷ *Матвеев Н.И.* Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 г. М. 1912. С. 234.

торые, по воспоминаниям А.Я. Булгакова, «столь алчно всеми тогда читались» за неимением других известий.²⁸

30 августа обращение Ростопчина к жителям Москвы гласило:

«Светлейший Князь, чтоб скорей соединиться с войсками, которые идут к нему, перешел Можайск и стал на крепком месте, где неприятель не вдруг на него пойдет. К нему идут отсюда 48 пушек с снарядами. А Светлейший говорит: что Москву до последней капли крови защищать будет; и готов хоть в улицах драться. Вы, братцы! не смотрите на то, что присудственные места закрыли; дела прибрать надобно, а мы своим судом с злодеем разберемся! Когда до чего дойдет, мне надобно молодцов и городских и деревенских; а клич кликну дни за два; а теперь не надо; я и молчу! Хорошо с топором, не дурно с рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; француз не тяжеле снопа ржанова; завтра после обеда я поднимаю Иверскую в Екатерининскую Гофшпиталь к раненым; там воду освятим, они скоро выздоровеют, и я теперь здоров; у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба!

*Подписал Граф Ростопчин»*²⁹.

Вопреки ожиданиям, афишка посеяла «ужасное волнение в народе, волнение самое убийственное»³⁰. Бестолковая суэта московского главнокомандующего лишь усиливала всеобщую дезорганизованность. Так, 30 же августа Ростопчин призвал к себе главного управляющего по винным откупам и отдал распоряжение о запрете на отпуск вина для кабаков. Полиции же генерал-губернатор приказал запретить питейные заведения, выгнав из них всех «сидельцев». При исполнении приказаания об уничтожении вина встретилось «затруднение»: оно выливалось на улицы, и народ, несмотря на приставленный караул, припадал к сточным канавам, пользуясь даровым угощением. Многие, как водится в таких случаях, там и остались, а из пожарной команды двое чинов при сем «испытании» утонули³¹.

Сенат московский попробовал было вмешаться в ход событий. Среди его членов нашлись люди, выразившие желание войти в непосредственные сношения с Кутузовым, чтобы организовать оборону столицы. Часть сенаторов, вдохновившись, вероятно, примером из древней истории (в 390 г. до н. э. римские сенаторы во время галльского вторжения отказа-

²⁸ Булгаков А.Я. Воспоминания ... о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина. СПб., 1904. С. 38.

²⁹ Борсук Н.В. Ростопчинские афиши / Текст с примеч. и предисл. СПб., б. г. № 14.

³⁰ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 2. С. 66.

³¹ Брокер А.Ф. Записки / Послесл. и примеч. П. И. Бартечева // РА. 1868. № 7–8. С. 1433.

лись оставлять Рим), склонялась к мысли не покидать Москву. В письме к царю 29 августа Ростопчин сообщил: «Сенат еще и сегодня обсуждает, объявить ли о своем закрытии или оставаться до последнего дня по увозе главнейших бумаг архива...»³². В конце концов генерал-губернатор вывел из затруднения не знавших на что решиться сенаторов, приказав немедленно выезжать из Москвы в «избранный ими самими губернский город»³³. 31 августа на 300 подводах в Казань был отправлен ценнейший Разрядно-сенатский архив.

31 августа москвичи могли прочесть еще одну «афишку» генерал-губернатора, впрочем успокоения она, надо полагать, не внесла, ибо не скажет, чтоб она было слишком вразумительна:

«Я завтра рано еду к Светлейшему Князю, чтобы с ним переговорить, действовать и помогать войскам изстреблять злодеев, станем и мы из них дух искоренять и этих гостей к чорту отправлять; я приеду назад к обеду, и примемся за дело; обделаем, доделаем и злодеев отделаем»³⁴.

По воспоминаниям москвичей, самым страшным оказалось именно то время, когда российская армия покидала Москву, а французы еще не вступили в нее.

1 сентября «и перед ним три – были подлинно страшные дни, – писал впоследствии переводчик и мемуарист Ф.П. Лубяновский, откладывая свой отъезд из Москвы из-за болезни тестя, – не вспомнил бы об них и с медной грудью, без ужаса и трепета»³⁵. Воспитанник частного пансиона Г.Я. Козловский, побочный сын князя Волконского, которому поручено было вместе с несколькими старыми слугами стеречь родной дом, записал впоследствии некоторые свои тогдашние впечатления: «Тут сброд людей, раненые солдаты, колодники, выпущенные из всех тюрем, мастеровые и другие люди, оставшиеся в Москве, как искатели приключений, группами ходили по пустым улицам, разбивали кабаки, штофные лавки и все, что ни попало; еще не было настоящего неприятеля, а я уже видел собственными глазами плоды безначалия и своевольтва <...> В это время можно было бояться русских мужиков более, нежели французов».³⁶

В тот день, 1 сентября, Ростопчин, кстати, сообщил московскому обер-полицмейстеру П.А. Ивашкину, что «за всеми способами, какие приняты по воле Его Светлости князя Михаила Ларионовича Голенище-

³² РА. 1892. № 8. С. 528.

³³ Бахрушин С.В. Москва в 1812 году. М., 1913. С. 21–22.

³⁴ Ростопчинские афиши. С. 59.

³⁵ Лубяновский Ф.П. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского, 1777–1834. М. 1872. С. 281.

³⁶ Москва в 1812 году, занятая французами: Воспоминания очевидца // РС. 1890. № 1. С. 106, 113.

ва-Кутузова для прекращения [бесчинств] мародёров и праздношатающихся воинских чинов, не может [он] ручаться, что чтобы не пробрались они в Москву...» Губернатор рекомендовал «строжайше приказать таких воинских чинов ловить и отсылать к Коменданту за караулом, также публиковать в Москве, не укрываются ли таковые воинские чины, отлучившиеся из Армии под видом больных и раненых, или по каким ни есть фальшивым препоручениям...». Мародеры и их укрыватели подлежали немедленному аресту и «строжайшему суждению»³⁷.

Эти меры едва ли оказались успешными. В записках очевидца находим такие строки: «С 31-го августа на 1-е сентября проходила наша армия чрез Москву к Коломне. <...> Город был оставлен без всякого начальства и защиты два дни. Вот новый ужас! От его начались бунты по всем улицам и домам <...>. Крик, брань, угрозы и всякого рода буйства превышали все границы; в его время, кто бы не перевозил свое имение в безопасное убежище <...>, был разбит и граблен на дороге наглým самым образом...»³⁸.

В 11-м часу вечера 1 сентября преосвященный Платон получил письмо графа Ростопчина. «Москва сдается Наполеону», — прочитал митрополит Московский роковые слова. Платон, незадолго перед этим перенесший апоплексический удар, прибыл 26 августа в Москву из Спасо-Вифанского монастыря, летней резиденции московских митрополитов, чтобы разделить с москвичами тяготы французского нашествия. Он считал свое присутствие в столице полезным в дни бедствия, и несмотря на убеждения своего окружения не хотел уезжать, но, в конце концов, уступил и вернулся обратно.

Поздно вечером того же дня послание Ростопчина получил и Августин, викарий Московский. «Нечаянное решение князя Кутузова оставить Москву злодею, — писал генерал-губернатор, — должно решить и ваше преосвященство отправиться немедленно. Но именем государя сообщаю вам, чтобы вы Владимирскую, Иверскую и Смоленскую Богоматерей взяли с собою. Народ ночью сего не приметит, а предлог, что им хочет молиться войско. Путь вам на Владимир...»³⁹

Ростопчин не знал, что преосвященный Ириней епископ Смоленский, уже успел препроводить икону Смоленской Божией Матери за пределы столицы. Сразу же после получения письма за образом Иверской Божией Матери в часовню у Воскресенских ворот был отправлен

³⁷ Шукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Шукиным. М. 1897. Ч. 1. С. 97 (далее — Шукин).

³⁸ Записки московского жителя... // 1812 год в воспоминаниях современников / Отв. ред. А.Г. Тартаковский. М., 1995. С. 51.

³⁹ РС. 1902. № 2. С. 410.

архимандрит Перервинский Лаврентий. Икону Владимирской Божией Матери отправился забирать из Успенского собора секретарь митрополита А.Ф. Малиновский. Когда обе бесценные реликвии доставили на митрополичье Саввинское подворье, на Тверской, оставалось только поместить их в экипаж и тронуться в путь, что Августин и сделал в 2 часа пополудни 2 сентября, предварительно помолившись в домовой церкви и снабдив деньгами присутствовавших при том священнослужителей, которые оставались в Москве.

К ночи 1 сентября «беспорядок, в котором остаток народонаселения Московского спешил из нее, являл картину в своем роде ужасную и вместе с тем несколько карикатурную. Там виден был поп, надевший одну на другую все ризы и державший в руках узел с церковной утварью, сосудами и проч.; там четвероместную, тяжелую карету тащили две лошади, тогда как в иные дрожки впряжено было пять или шесть; там в тележке <...> сидела достаточная мещанка или купчиха, в парчевом наряде и в жемчугах, во всем, чего не успела уложить; конные и пешие валили кругом; гнали коров, овец; собаки в великом множестве следовали за всеобщим побегом, и печальный их вой, чуя беду, сливался с мычанием, с бляением, со ржанием других животных...».⁴⁰

Всё это, естественно, сопровождалось несносной давкой на улицах и грабежами в близлежащих переулках и туниках. «Народное буйство в Москве бывшее в этот вечер, описать нельзя».⁴¹

Полиция разных московских частей уже ни во что не вмешивалась, хотя только в 12 часов ночи с 1 на 2 сентября получила повеление готовиться к выступлению из Москвы. В рапорте, который 9 августа 1816 г. обер-полицмейстер П.А. Ивашкин направил заместившему Ростопчина на посту генерал-губернатора Торماسову, между прочим, значится: «Повеление о выступлении полиции получено с 1-го на 2[-е] число сентября в 12 часов ночи. <...> В 5 часов утра все команды должны были быть собраны», но проход больших масс войск вызвал «смятение», которое пресекло сообщение с Замоскворечьем. В результате «многие из нижних чинов (полиции — *С.И.*), не имея возможности достигнуть к назначенному времени сборного места, и не зная, куда следовать, во всей амуниции и вооружении захвачены были неприятелем»⁴².

Несколько чинов остались в Москве добровольно. «Я приказал спросить у полицейских офицеров, — пишет в своих «Записках» Ростопчин, — не най-

⁴⁰ Вигель Ф.Ф. Записки. М. 1892. Ч. 3. С. С. 62.

⁴¹ Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий... // ЧОИДР. 1859. Кн. 2. С. 66.

⁴² Московская полиция в 1812 г. Рапорт обер-полицмейстера П. А. Ивашкина на имя главнокомандующего в Москве А. П. Торماسова / Публ. А. Н. Шаханова // Исторический Архив. 2003. № 3. С. 163–164.

дется ли между ними желающих остаться в городе переодетыми и доставлять мне донесения в главную квартиру посредством казачьих аванпостов, до которых они могли пробираться через Сокольницкий лес». Графу требовалось шестеро «охотников», но вызвалось только пять — еще одного Ростопчину пришлось назначить по собственному выбору⁴³. «Поручение мое, — пишет он далее, — они исполняли разумно, усердно и с большой сметливостью. По счастью, присутствия их в Москве даже и не подозревали...».

Об этом главнокомандующий пишет, а о другом, более существенном, в том, что касалось принятия особых мер накануне вступления неприятеля в Москву, умалчивает и в мемуарах, и в переписке, а между тем этому посвящено было совещание чинов московской полиции, собравшихся с наступлением ночи на 2 сентября в ростопчинском особняке на Лубянке, в кабинете генерал-губернатора.

Но еще накануне в предписании обер-полицмейстеру Ростопчин распорядился, «чтоб пожарные команды немедленно были в готовности к выступлению, единственно только с трубами, а пожарные инструменты остаются здесь»⁴⁴. Таким образом, пожарный «обоз» отправлялся в путь без необходимого при тушении пожаров шанцевого инструмента. Поручик «Демидовского» полка М.М. Евреинов вспоминает, что рано утром 2 сентября встретил всю пожарную команду (2100 человек), выезжавшую из Москвы⁴⁵.

В первой половине дня 2 сентября М.Б. Барклай де Толли лично следил за порядком, «разъезжая по улицам Москвы и мостам, смотря, как мимо него проходили батальоны, артиллерия, парки и экипажи». Каждому из его адъютантов был придан отряд казаков, чтобы «выгонять солдат из кабаков и погребов, и не допускать их в дома». Более того, казаки останавливали тех из них, кто нес бутылки с водкой и наливками, и пиками разбивали их вдребезги. В результате таких мер, генералу от инфантерии удалось «спасти войска от неминуемой гибели, и они выступили из города в величайшем порядке»⁴⁶.

Общее же настроение армейской массы было исполненным печали. «Проходя по улицам этой древней столицы, — писал впоследствии генерал Н.П. Ковалевский, — солдаты и офицеры плакали. Кутузов отдавал ее на произвол неприятеля, а, сделай это Барклай, в войсках, несомненно, произошло бы возмущение»⁴⁷. По воспоминаниям генерала, «полки следовали в большом беспорядке».

⁴³ РА. 1889. № 12. С. 721.

⁴⁴ *Щукин*. Ч. 1. С. 96.

⁴⁵ *Евреинов М.М.* Память о 1812 годе. М. 1874. С. 22.

⁴⁶ *Лёвентерн В.И.* Записки генерала В. И. Левенштерна // РС. 1901. № 1. С. 106.

⁴⁷ *Русский Вестник*. 1871. № 1. С. 94

Между тем, покидая Москву 2 сентября, Ростопчин направился к Язванской заставе и «на Яузском мосту, думая обогнать нескольких кавалеристов, повстречал князя Кутузова с его свитой». Он поклонился, на что светлейший пожелал генерал-губернатору «доброго дня» («что могло быть принято за насмешку», — заметил про себя генерал-губернатор). После этого князь зачем-то, может быть для того только, чтобы хоть что-нибудь сказать, произнес: «Могу вас уверить, что я не удалюсь от Москвы, так и не дав сражения». По словам Ростопчина, он ничего не ответил на это, «потому что ответ на пошлость может быть только глупостью»⁴⁸.

Уже при выезде, Ростопчин обратился к своему сыну Сергею: «Всмотрись же хорошенько в этот город, ты видишь его в последний раз, еще несколько часов, и Москвы больше не будет — от нее останется лишь пепел и прах»⁴⁹.

По сведениям на январь 1812 г. в Москве проживало 261 884 души, на 1 июля — 198 914⁵⁰. По завершении оставления столицы в городе, по свидетельству Ростопчина, оставалось от силы 10 тысяч жителей⁵¹.

Умысел Ростопчина, всегда почитавшего своей обязанностью противодействовать французскому влиянию на умянастроения российского общества, был продиктован намерением поджечь Москву в случае, если русская армия не станет ее защищать, и обвинить в этом кощунственном деянии безбожных французских варваров — именно таким образом московский главнокомандующий намеревался пробудить народное ожесточение и лютую ненависть, каковые до того себя отнюдь не обнаруживали. Ради осуществления этого плана генерал-губернатор почитал себя вправе не останавливаться ни перед чем.

Желание поджечь Москву впервые возникло у Ростопчина, насколько то можно установить, вскоре после оставления Смоленска. Во всяком случае, уже 12 августа он писал Багратиону: «Я не могу себе представить, чтоб неприятель мог придти в Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили к Вязме, тогда я примусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю каждого убираться; а народ здешний по верности к Государю и любви к Отечеству решительно умрет у стен Московских, а если Бог ему не поможет <...>, то, следуя Русскому правилу: *не доставайся злодею*, обратит город в пепел, и Наполеон получит, вместо добычи, место, где была столица»⁵². В тех же выражениях московский главно-

⁴⁸ РА. 1901. № 8. С. 507.

⁴⁹ *Narichkine N.* 1812. Le comte Rostopchine et son temps, par Madame Narichkine née comtesse Rostopchine. St. Pétersbourg, 1912. P. 175.

⁵⁰ *Шукин. М.*, 1899. Ч. 4. С. 230–231.

⁵¹ РА. 1887. № 2. С. 181.

⁵² РА. 1896. № 4. С. 563.

командующий писал на следующий день министру полиции: «Мнение народа есть следовать правилу: “не доставайся злодею”. И если Провидению угодно будет, к вечному посрамлению России, чтоб злодей ее вступил в Москву, то я почти уверен, что народ зажжет город и отнимет у Наполеона предмет его алчности и способ наградить грабежом своих разбойников»⁵³.

Насколько известно, о своих намерениях Ростопчин более в эти дни никому ни единым словом не обмолвился — даже Александру I, с которым поддерживал деятельную переписку. Так, в письме из Москвы от 14 августа император мог усмотреть только намек: «...Здесь жители просят оружия; оно у меня будет наготове, но раздавать его я стану лишь накануне того дня, когда решится участь Москвы. Если Провидение дозволит Наполеону войти в нее, он ничего не найдет в ней для удовлетворения своей алчности. Деньги будут вывезены, а вещи зарыты в землю. Войско и Москва будут действовать за одно для спасения России...»⁵⁴.

Весьма скоро, однако, своими общими представлениями о грядущей участи Москвы Ростопчин поделился еще кое с кем. Перед военным советом в Филях он сказал генералу Ермолову: «...Если без боя оставите вы Москву, то, вслед за собою, увидите ее пылающей!»⁵⁵ Утром 1 сентября Ростопчин беседовал с Ойгеном принцем Вюртембергским, услышавшим из его уст: «Если бы меня спросили, <...> то я ответил бы: разрушите столицу, прежде (именно так! — С.И.) чем уступить ее неприятелю». Возможно, спохватившись, московский главнокомандующий тут же добавил: «Таково мое мнение, как графа Ростопчина; но как губернатора, как человек, обязанный заботиться о благе столицы, конечно, я не могу дать этого совета»⁵⁶. Ростопчин не уточнил, что именно он подразумевал под глаголом «разрушите», но случайной оговоркой это быть не могло.

Итак, в ночь на 2 сентября в ростопчинском особняке на Лубянке состоялось тайное совещание чинов московской полиции. Участвовали также несколько человек из числа на вербованных простых горожан, которых привел сам полицмейстер Адам Фомич Брокер, одно из наиболее доверенных Ростопчину лиц. Совещавшиеся получили точные инструкции, какие именно здания и кварталы следует поджечь сразу же по завершении прохода русских войск через Москву.

Утром 2 сентября генерал-губернатор отправил супруге, Екатерине Петровне, письмо: «Друг мой, посылаю к тебе Якова (дворовый из челяди Ростопчина — С.И.), чтобы сказал, что все кончено; Россия для меня

⁵³ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 94.

⁵⁴ РА. 1893. № 8. С. 523.

⁵⁵ Ермолов А.П. Записки. М. 1865. Ч. 1. С. 210.

⁵⁶ Военный журнал. 1848. № 3. С. 42.

потеряна навсегда. Император в конце концов уступит просьбам тех, кто его окружает, и заключит мир с Наполеоном. Как ты понимаешь, я глубоко несчастен. Когда ты получишь это письмо, Москва будет уже обращена в пепел; прости меня за то, что вознамерился поступить как римлянин, но, ежели мы не сожжем, то разграбим город. Наполеон сделает это впоследствии, и я не хочу предоставить ему сей триумф»⁵⁷.

Одним из первых занялся осуществлением предначертанного плана квартальный надзиратель Петр Иванович Вороненко, 2 сентября «смело приступивший к делу <...> в 10 часов вечера, когда часть неприятельской армии уже заняла несколько кварталов города. В одно мгновение склады с припасами, нагруженные хлебом барки на реке, лавки со всевозможными товарами — все это богатство стало добычей пламени, ветер распространил пожар, а так как отсутствовали насосы и сами пожарные, чтобы остановить огонь, жертва, вдохновленная велением момента, совершилась, и желание моего отца исполнилось...»⁵⁸. Дочери генерал-губернатора Наталии Федоровне, в замужестве Нарышкиной, было тогда 15 лет, и нет оснований не доверять ей. Тем более, что и сам Вороненко в записке, составленной по просьбе историка А.И. Михайловского-Данилевского, вспоминал в 1836 г.: «2-го сентября в 5 час. пополудни он же (Ростопчин — С.И.) поручил мне отправиться на Винный и Мытный дворы, в Комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного Холма и Симонова монастыря, и в случае внезапного вступления неприятельских войск стараться истреблять все огнем, что мною и исполнено было в разных местах по мере возможности в виду неприятеля до 10 час. вечера...»⁵⁹. Этот, судя по всему, главный исполнитель плана Ростопчина не называет имен тех, кто ему помогал, но можно не сомневаться, что их было достаточно, потому что поджог произошел одновременно и огонь поддерживался сразу в нескольких частях Москвы.

В ночь на 3 сентября запылали Смоленская улица и Гостиный двор, утром 3-го — фабрики около Новой деревни, Покровское и так называемый Немецкий рынок⁶⁰. Утром же в этот день огонь, потушенный было у Язуы, вновь охватил деревянные постройки на ее берегах⁶¹. Вечером дымом был окутан уже весь Арбат. Пламя охватило Никитскую, Поварскую и Кудринскую улицы⁶². Кремль оказался окруженным морем пла-

⁵⁷ Narichkine N. 1812. Le Comte Rostopchine et son temps. P. 171

⁵⁸ Ibidem. P. 150, 168—169.

⁵⁹ Вороненко П.И. «Записка» 1836 г. // 1812 год в воспоминаниях современников. Отв. ред. А.Г. Тартаковский. М. 1995. С. 71.

⁶⁰ Шукин. М. 1900. Ч. 5. С. 3.

⁶¹ Письмо прикащика М. Сокова — И. Р. Баташеву // РА. 1871. № 6. Стб. 0219—0220.

⁶² Кичеев П.Г. Из недавней старины. Рассказы и воспоминания. М. 1870. С. 35.

мени. 4 сентября до этого слабый ветер достиг, к несчастью, ураганной силы, и пожар перекинулся за Москву-реку. Первыми загорелись дома за Каменным мостом и «пожар столь сделался ужасен, что никак описать невозможно»⁶³.

По свидетельству очевидца, огромное зарево над городом было видно за 150 верст от Москвы.⁶⁴

Пожар начал стихать только 7 сентября и совсем прекратился 8-го. Таким образом, огонь безостановочно полыхал целых шесть суток. Но и в последующие дни, несмотря на холодный дождь, ливший с 7-го несколько дней подряд, пламя вспыхивало то здесь, то там.

Запалить огонь в московских домах не составляло никакого труда, потому что до пожара в Москве, как известно, было много более половины деревянных домов, включая и театр у Арбатских ворот (в котором 30 августа давали «Наталью, боярскую дочь»). Известный впоследствии артист Н.М. Никифоров, остававшийся со своим престарелым отцом в Москве при французах, сохранил воспоминание, что театр был подожжен сторожем, унтер-офицером Петром Васильевичем Мельниковым, который «сам передавал Никифорову, что поджег театр по приказанию начальства»⁶⁵.

На 1811 г. домов в Москве было 9151. Из них 6584 — деревянных⁶⁶, большая часть которых — 6532 — сгорела дотла.⁶⁷

В огне Московского пожара погибло множество разнообразных памятников общего достояния: старинных рукописей, прекрасных и ценных книг, картин, скульптур. Перестала существовать, к примеру, бесценная библиотека директора Императорского Эрмитажа и библиофила графа Дмитрия Петровича Бутурлина⁶⁸. Столичная газета с прискорбием писала по этому поводу: «...Получено достоверное известие, что прекрасная библиотека графа Бутурлина в Москве сожжена Французами, вместе с драгоценным собранием картин. Библиотека, которую граф собирал около 20 лет, составляла более 40 000 томов; все лучшие и самые редкие издания, начиная с XV века, собраны были им с величайшим тщанием и большими трудами. Библиотека сия была украшением Москвы и известна всем любителям словесности... Не единый сей памятник просвещения истреблен дерзкою рукою варваров девятнадцатого века!»⁶⁹.

⁶³ РА. 1871. № 6. Стб. 0220–0221.

⁶⁴ *Свербеев Д.Н.* Записки Дмитрия Николаевича Свербеева. М. 1899. Т. 1. С. 72.

⁶⁵ РА. 1876. № 10. С. 128.

⁶⁶ *Шукин.* Ч. 4. М. 1899. С. 230.

⁶⁷ Сын Отечества. 1814. № 39. С. 38.

⁶⁸ *Бутурлин М.Д.* Очерк жизни графа Д.П. Бутурлина // РА. 1867. С. 380, 383.

⁶⁹ Северная почта. 1812. № 86. 26 окт. С. 2.

Сгорело богатое собрание картин старых мастеров и гравюр статс-секретаря Екатерины II Адама Васильевича Олсуфьева, сгорела и обширная коллекция разных редкостей, включая нумизматические, профессора Федора Григорьевича Баузе, сгорели коллекции, собранные Павлом Григорьевичем Демидовым во время путешествий по Европе в 1751–1761 гг. и подаренные им Московскому университету и много еще чего...

Согласно «Краткой выписке значительным вещам во время нашествия неприятельского в Москве погибших и згоревших в Московском арсенале», составленной после оставления Москвы неприятелем, сгорело «знамен российских 337, иностранных 526» — то есть знамен различных российских полков, в том числе уже упраздненных, а также знамен, захваченных русскими войсками в качестве трофеев в различных войнах. Там же пропало 287 штандартов российской армии, 881 «значок российский» (значок, род малого знамени, флажок, вымпел — *С.И.*), 14 турецких бунчуков и булав, 95 «значков офицерских»⁷⁰. Но что толку в напрасных сожалениях?

Современниками и историками очень редко вспоминается, когда заходит речь о событиях той поры, что в Москве были оставлены тысячи русских солдат и офицеров, раненных под Смоленском, Бородиным и в других местах. Они размещались в отведенных для них госпиталях, ряде монастырей, а также казенных и партикулярных домах. Когда столице еще не угрожала опасность, все раненые и больные препровождались в объезд Москвы, но в Гжатске Кутузов переменял это решение Ермолова, приказав отовсюду свозить всех в Москву. В одной из «афишек» Ростопчин известил обывателей столицы:

«Сюда раненых привезено; они лежат в Головинском дворце, я их смотрел; напоил, накормил и спать положил. Вить они за вас дрались; не оставьте их; посетите и поговорите. Вы и колодников кормите, а это Государевы верные слуги и наши друзья, как им не помочь!»⁷¹

К концу августа их насчитывалось, таким образом, до 26 тысяч человек или, что скорее всего, до 30 000. Раненых начали вывозить из Москвы только в 8 часов вечера 1 сентября и продолжали это делать до 10 часов утра следующего дня, причем лежавших в повозках и пеших отправляли в сопровождении сильного охранения, дабы крестьяне, назначенные возчиками, не разбежались (!). По словам Ростопчина, «от 16 до 17 тысяч их было отправлено на 4000 телегах накануне занятия Москвы неприятелем в Коломну, откуда их должны были в закрытых баржах переправить в Ря-

⁷⁰ Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. № 1477.

⁷¹ Ростопчинские афиши. С. 52.

занскую губернию, где для них были устроены госпитали. 2000 раненых были оставлены в Москве». По свидетельству же генерал-интенданта Е.Ф. Канкрина, вместо раненых, положение которых «в виду недостатка помощи и общего упадка духа было бедственное», часто «увозили жен вахтеров, мебель и пр., и когда «комиссионеры и госпитальные служащие вместе с другими оставили город, больные и раненые были брошены на произвол судьбы»⁷².

Оставление раненых и больных произвело на проходившие через Москву войска удручающее впечатление. «Душу мою раздирали стон раненых, оставляемых во власти неприятеля», — писал впоследствии А.П. Ермолов.⁷³

Редко кто поступал так, как поступил граф М.С. Воронцов. Когда он, сам раненый при Бородине, прибыл в свой московский дом, то увидел 200 подвод, груженных воронцовским имуществом и готовых к вывозу из Москвы. Без колебаний приказал он все это сгрузить, а на телеги положить раненных солдат и офицеров своей Сводно-гренадерской дивизии. Впоследствии все они — более 300 солдат и около 50 офицеров — лечились в графском имении Андреевском до конца войны.

По свидетельствам французов, число оставленных русских раненых колебалось от 7000 до 15 000 человек. На самом деле, их было много больше, ибо французы брали в расчет только тех, которые лежали вперемешку с ранеными Великой армии, где им делали операции. Например, участнику Бородина А.С. Норову операцию делал личный хирург Наполеона Жан Доминик Ларей, который перед началом операции спросил раненого, давно ли делали перевязку, и, услышав ответ, распорядился тотчас же нести его на операционный стол, а после операции сказал ассистентам: «Вы отвечаете мне за жизнь этого молодого человека!»

Описание их горестной участи содержится в сочинении маркиза Жоржа де Шамбре: «Из всех зрелищ, кои вкуче являют пред нами картину разорения Москвы, самым страшным было зрелище пожара русских госпиталей; там оставались одни только тяжело раненые, ибо все те, которые были в состоянии держаться на ногах, бежали при приближении французской армии. Лишь только пламя охватило помещения, где они продолжали лежать вповалку, случалось видеть, как они ползли, пробуя спускаться по лестницам или же выбрасывались из окон, испуская жалобные крики; но лишь на мгновение им удавалось оставаться в живых; они умирали, разбившись при падении с высоты или становились жерт-

⁷² Колосов Г.А. Взгляды на гуманные требования войны и их выполнение во время войн 1812–1814 гг. СПб. 1913. С. 44.

⁷³ Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова. М. 1865. Ч. 1. С. 214.

вами голодной смерти безо всякой помощи. Более десяти тысяч раненых погибли таким образом»⁷⁴.

В воспоминаниях Н.Н. Муравьева, в будущем крупного военного деятеля, упоминается о том, что 2 сентября при выступлении из Москвы командующему арьберггардом М.А. Милорадовичу «приказано было заключить с неприятелем перемирие на 24 часа, дабы успеть вывести раненых из столицы. Перемирие состоялось, но в госпиталях было до 25 000 больных и раненых, из коих часть сгорела в общем пожаре города»⁷⁵. Эта цифра более близка к истине.

Непредусмотрительность и пренебрежение своими прямыми обязанностями со стороны армейского командования и власть предержавших столичного града Москвы оказались, как мы видели, настолько чудовищными, вопиющими и непростительными, что обоих — и Кутузова, и Ростопчина — прежде всего заботила необходимость переложить вину за оставление Москвы и пожар или на «обстоятельства» или друг на друга, или, в конце концов, на «француза». Фельдмаршалу, правда, это требовалось в меньшей степени, поскольку он был уже недостижим для какой бы то ни было критики.

У современников насчет истинных причин пожара не было никаких сомнений, и догадки лишь отчасти разнятся друг от друга.

«Пока наши войска находились в городе, — писал около 1816 г. офицер, состоявший в Императорской Свите по квартирмейстерской части, Д.П. Бутурлин, — невозможно было поджечь его, не повредив нашему отступлению. Но во многих домах были сложены горючие материалы, а в городе был разсеян целый отряд поджигателей, состоявших на жалованьи и руководимых несколькими офицерами прежней московской полиции, которые остались в городе переодетыми»⁷⁶.

«Граф Ростопчин давно уже обдумал свой план действий, — писал в своих воспоминаниях, относящихся к 1830-м гг., барон В.И. Лёвенштерн, — и подготовил все нужное для его выполнения: в некоторых домах были спрятаны горючие вещества; в разных частях покинутого жителями города были расставлены нанятые им люди, которым было приказано поджечь эти дома...»⁷⁷.

Свидетельство поручика М.М. Евреинова, в сущности немногим отличается от вышеприведенных на этот счет: Ростопчин «накануне того

⁷⁴ *Chambray G. marquis de. Histoire de l'expédition de Russie. T. 2. Paris. 1825. P. 124–125; Шницлер И. Ростопчин и Кутузов. Россия в 1812 году / Пер., предисл. и примеч. А. Е. Ельниченко. СПб., 1912. С. 175.*

⁷⁵ РА. 1885. № 11. С. 347.

⁷⁶ РС. 1894. № 10. С. 210.

⁷⁷ РС. 1901. № 1. С. 105.

дня (дня оставления Москвы — С.И.) приказал вывести всю пожарную команду и выпустить острожников, которым внушено было везде поджигать; а им, как неимущим своих домов, жалеть было нечего, и Москва запылала...»⁷⁸. С ним перекликаются воспоминания москвички А.Г. Хомутовой о том, что в 1812 г. среди ее родных и знакомых «никто не сомневался, что пожар был произведен по распоряжению графа Ростопчина: он приказал раздать факелы выпущенным колодникам, а его доверенные люди побуждали их к поджогу»⁷⁹. В одном же из своих «рассказов» «старушка» Толычева прямо связывает возникновение пожаров в Москве с грабежами «колодников», выпущенных Ростопчиным: «Грابتь им без пожара нельзя, потому в богатых домах оставалась прислуга и не выдала бы им господского добра; а горит дом, так под шумок-то грабят ловко. Ведь от этих людей совести не жди: узнать их легко по бритым головам...»⁸⁰.

Но это все было написано уже по зрелом размышлении. Молва же, а вслед за ней и разного рода сочинители, приписывали всю «честь» московского пожара сначала французам, а потом уже Ростопчину, отзываясь «об оном, яко о памятнике, утверждающем навсегда права его на бессмертную славу», но сам Ростопчин отнюдь не торопился увенчать себя лаврами Герострата. Проживая впоследствии в Париже, он издал книжку под названием «La vérité sur l'incendie de Moscou» (Paris, 1823), но в «Правде о пожаре Московском», отдельные современники полагали, «все неправда»⁸¹. В ней «уклоняется он от славы, вовсе ему будто не принадлежащей, относя пожар московский французам»⁸².

Не одно поколение русских людей ломало голову над вопросом, так ли это на самом деле; ведь бывший московский главнокомандующий не единожды и разным людям, уже после достопамятной войны, с 1815 г. находясь за границей, говорил, к примеру: «Я поджог дух народа, и с этим страшным огнем легко зажечь множество факелов» или «Моя так называемая знаменитость основана на Московском пожаре, событии, которое я подготовил, но отнюдь не приводил в исполнение»⁸³.

Правда, предчувствуя, возможные упреки и опасный ропот со стороны московских погорельцев в случае, если бы великолепное Вороново, располагавшееся в 50 верстах от Москвы, не коснулась стихия войны, Ростопчин, обуреваемый примерами «римской доблести», предал свое

⁷⁸ Евреинов М.М. Память о 1812 годе. С. 55.

⁷⁹ РА. 1893. № 11. С. 327.

⁸⁰ Толычева Т. Рассказ старушки... С. 50–51.

⁸¹ Глинка С.Н. Записки. С. 78.

⁸² Брокер А.Ф. Биография графа Федора Васильевича Ростопчина // РС. 1893. Кн. 1. С. 167.

⁸³ Попов А.Н. Французы в Москве. М., 1876. С. 102, 102–103.

имение огню. Задумав учинить пожар в Воронове, он не стал приглашать для этого полицейских агентов, занятых поджогами в Москве. Среди приглашенных Ростопчиным были Л.Л. Беннигсен, А.П. Ермолов, другие представители российского генералитета, которых он утомлял жалобами на недоверие к его особе Кутузова, вследствие чего, якобы, он не успел поджечь принадлежавшие ему дома в Москве. Генерал-губернатора пытались уговаривать, но он был непреклонен. В вестибюле граф подал гостям факелы. Войдя в роскошную спальную, Ростопчин обратился к оказавшему среди гостей британскому генералу Р. Вильсону: «Это мое брачное ложе, у меня не хватает решимости поджечь его; будьте добры, избавьте меня от этой тягостной обязанности». Вильсон согласился выполнить просьбу только после того, как хозяин и остальные гости подожгли остальные апартаменты загородного дворца. Когда же огонь охватил все здание и конная скульптура, возвышавшаяся на фронте, не выдержав собственной тяжести, рухнула, граф испустил глубокий вздох и произнес по-французски: «Теперь я доволен!»⁸⁴. Принеся эту жертву, граф водрузил на развалинах своего дворца доску с примечательной надписью: «Французы! В продолжении восьми лет я украшал этот загородный дом и наслаждался в нем счастьем среди своей семьи. Жители сего поместья в числе 1720 душ покидают его при вашем приближении, а сам я, перед своим удалением отсюда, предал его огню собственными руками, дабы оно не было осквернено вашим присутствием. Французы, я оставил вам оба свои дома в Москве со всей обстановкой, стоившей мне более полумиллиона рублей. Здесь же вы найдете один только пепел!»⁸⁵.

Эта изрядно театральная сцена, несомненно, была полна всяческого смысла для человека, который всего за несколько дней перед тем предал огню тысячи жилищ как людей богатых, так и убогих, лишил приюта многие десятки тысяч себе подобных, большая часть из которых при этом еще лишилась всего нажитого. Отразился ли этот жест новейшего Герострата на собственном его благополучии? Лишь отчасти, ибо кроме Воронова у Ростопчина было еще не одно имение, и после того, как пожар спалил одно, генерал-губернатор с удобством удомоседился в одном из других, не забыв при этом перевести в надежное место и великолепный конный завод.

Жители Воронова и в самом деле покинули ростопчинское имение после того, как граф внял их просьбам не оставлять их на произвол судьбы и разрешить переселиться в одно из поместий генерал-губернатора. Впрочем, через три года после войны, в письме одному из немногих сво-

⁸⁴ *Wilson R.T. Narrative of Events during the Invasion of Russia by Napoleon Buonaparte, and the Retreat of the French Army, edited by Rev. Randolph. London. 1860. p. 65.*

⁸⁵ *Bulletins de la Grande Armée. 9 octobre 1812. N 23.*

их московских приятелей, Ростопчин объяснял, почему он опять не поселился в барском своем доме в Воронове, и причины на ростопчинский взгляд были вполне основательные: «...могу тебя уверить, что причины моего отвращения к Воронову основаны на опыте: лень крестьян, неблагодарность их и разбой в 1812 году»⁸⁶.

Таким образом, если кого и вводили в заблуждения ростопчинские тирады, то только не хорошо знавших его людей. Да и современники далеко не все склонны были приписывать московскому главнокомандующему пожар столицы. «Впрочем, — писал один из его современников в сочинении под красноречивым названием «Разные правды о пожаре Москвы», — историки и потомства извлекут из сей книжки («Правда о московском пожаре» — С.И.) то же, что и современники. Они примут отречение Г[осподина] Р[остопчаина] в пользу жителей оставшихся в Москве, отвергнут приписываемую причину их деяний и увидят в подвиге их истинную привязанность к отечеству. В подвиге тем быть достойным признательности, что люди сии следовали благородному внушению гражданства. Они без посторонних советов и побуждений сделали то что может быть было обязанностью других»⁸⁷.

Тогда, в 1812 г., многие и впрямь «были убеждены, что Москву сожгли французы, причем ради одного только грабежа и для того, чтобы уязвить русского человека в самое сердце, надругавшись над самым священным для него чувством. Легенда о пожаре как об акте самоотверженности и самопожертвования появилась позднее, а тогда... «Кто не проклинает французов-злодеев, тот или глуп, или злодей — с негодованием писал, находясь под впечатлением московских событий современник. — Ах, надобно слышать здесь тысячи анекдотов от оставшихся русских, дабы знать, до какой степени простиралось их скотство и неистовство! Есть еще полоумные, есть люди, которые все пожары приписывают русским. О, [уж это мне французское] воспитание!»⁸⁸.

Но, неужели после 1882 г., когда было опубликовано письмо Ростопчина Балашову от 27 августа, где тот писал: «Если по несчастию столицы спасти нельзя будет, то я оставшееся предаю огню...»⁸⁹, еще оставались какие-либо сомнения? Ведь довольно и простой логики, чтобы согласиться с тем, что писал по этому поводу помощник почт-директора Москвы: «Надобно допустить, что город был подожжен в нескольких местах еще накануне лицами, оставшимися в Москве и снабженными с этой целью горючими материалами до оккупации ее неприятелем, глупо было

⁸⁶ РА. 1868. № 12. стлб. 1886.

⁸⁷ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 226. Оп. 1. Д. 3 (10). Л. 12 об.

⁸⁸ А.Ф. Мерзляков — Ф.М. Вельяминову-Зернову, 14 марта 1813 // РА. 1865. С. 112–113.

⁸⁹ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников... С. 114.

бы допустить, что французы подожгли город...»⁹⁰. Но память и привычные образы мышления, сложившиеся под влиянием людской молвы, долго еще питали то и дело возникавшие споры и предположения. Тем более? что «афишки» Ростопчина, правительственная пропаганда и инвективы, обращенные с церковных амвонов, с самого начала обвиняли в сожжении Москвы одних французов.

В одиночестве со своим высказыванием предстает тот же Д.П. Рунич. По его мнению, мысль о пожаре Москвы принадлежала... самому Александру I, ибо эта мера «могла быть задумана и предписана только самим императором; ее приказано было исполнить лишь в последней крайности, когда опасность угрожала бы всей Империи». Исполнение этой меры могло быть поручено только Ростопчину и Кутузову, при чем лишь первый из них мог привести ее в исполнение»⁹¹.

Современник Рунича Н.И. Тургенев, напротив, считал, что «правительство, то есть император, не имело никакого отношения к пожару; оно никогда не давало никаких приказаний, никакого разрешения в этом смысле»⁹². Но, если документальные свидетельства отсутствуют, это отнюдь не значит, что распоряжение о поджоге Москвы не могло быть дано московскому главнокомандующему конфиденциально самим императором или, например, Аракчеевым, в устной форме.

Слов нет, уверенное предположение Д.П. Рунича, до сих пор не подтверждено, не опровергнуто ни одним документальным свидетельством, но только на этом основании оно не может быть отвергнуто. Вполне возможно, что этот вопрос так и останется открытым. В таком случае довольно и того, что уже вряд ли кто станет возлагать вину за пожар Первопрестольной на французов и иже с ними.

Передавая «о состоянии Москвы достоверные известия», некто Петр Лунин из села Жолудево писал действительному камергеру Петру Иосифовичу Арбенеvu 18 сентября: «В день входа неприятеля, главнокомандующим и губернатором распущены были и отворены остроги находящимся в оных преступникам, кои, а не французы, грабят и жгут наши дома, (что) и по сие время продолжается»⁹³.

В письме императору от 8 сентября Ростопчин, передавая то, что к тому времени удалось узнать о пожаре, отзывался следующим образом: «...2 числа начали гореть лавки и хлебные магазины вдоль Кремлевских стен. Виновниками этого пожара были либо французы, либо русские

⁹⁰ РА. 1885. № 3. С. 605.

⁹¹ Там же. С. 604.

⁹² *Тургенев Н.И.* Россия и русские / Пер. с фр. Н. И. Соболевского; под ред. А. А. Кизеветтера. М., 1915. Т. 1. С. 14.

⁹³ РС. 1873. № 12. С. 992.

воры; но я больше склонен думать, что это сами сторожа лавок, руководимые правилом: коль скоро не мое, так будь же ничье!»⁹⁴. Когда же впоследствии, в разговорах с Ростопчиным уже известный нам Ф.П. Лубяновский вспомнил о Московском пожаре «как о славном для него памятнике», Ростопчин «руками и ногами отбивался от этой славы». Воспоминатель не знал о полицейской акции московских властей, а только о том, что вывезен был огнегасительный снаряд, и сообщает, что «пожар начался с Обжорного и Москательного рядов, где голодный народ и выпущенные из тюрьмы преступники ночью с огнем шарили в лавках, наполненных съестными припасами, маслом, скипидаром и проч.»⁹⁵.

Итак, кто же все-таки является «автором» московского пожара? По словам Н.И. Тургенева, «простой здравый смысл говорит, что нет разумных оснований обвинять французов в этом событии, противоречащем всем их интересам»⁹⁶.

По воспоминаниям мемуариста-современника, «в то время, то есть тотчас после разорения, весь 1813 и до конца 1814 г., никто в России не помышлял о том, что Москва была преднамеренно истреблена русскими; все до единого мыслили и говорили, что ее сожгли французы...»⁹⁷.

Вхожий в дом генерал-губернатора, С.Н. Глинка, который наверняка знал правду о московском пожаре, в ближайшем последствии, не вдаваясь в подробности, писал, что «при Наполеоне Москва отдана была на произвол Провидения. В ней не было ни начальства, ни подчиненных. Но над нею и в ней ходил Суд Божий. Тут нет ни Русских, ни Французов: тут *огнь небесный*». Потомство же, по его мнению, «не станет из пучины пожара Московского выкликать *имен...*»⁹⁸.

Первые неприятельские войска в Троицких и Никольских воротах Кремля показали 2 сентября, когда с колокольни Ивана Великого раздался благовест к вечерне. Французская армия вступала в Москву. Впоследствии в разных слоях населения «болтали», что Наполеон еще в 1811 г. «переодетый» приезжал в Москву и все высматривал, «так что когда в 1812 г. был в Москве, несколько раз проговаривался-де своим: “Это место мне знакомо, я его помню”».⁹⁹ Забавный поворот в сознании московских обывателей...

В тот день доходило и до курьезов. Свидетельствует Егор Андреевич Харузин, выходец из купеческой семьи: «2-го сентября 1812-го года пред

⁹⁴ РА. 1892. № 8. С. 535.

⁹⁵ Лубяновский Ф.П. Воспоминания. М., 1872. С. 287.

⁹⁶ Тургенев Н.И. Россия и русские. С. 13.

⁹⁷ Свербеев Д.И. Записки. С. 79.

⁹⁸ Глинка С.Н. Записки. С. 78–79, 81, 82.

⁹⁹ Рассказы бабушки... С. 116.

вступлением неприятеля в Москву были распушены в массах среднего сословия жителей ни на чем не основанные нелепые слухи (вероятно, от гр. Ростопчина в видах сдержанности населения и особенно распушенных фабричных), что якобы скоро должны прибыть к нам вспомогательные английские войска; чему простодушно тогда верили и неглупые, на первый взгляд, люди. <...> Вследствие такой настроенности вступающих французов многие приняли за англичан-союзников и владелица дома (существующего и теперь на своем месте, против Рождественского монастыря¹⁰⁰), где жили наши родные и где мы с матушкой были захвачены, поспешили с такой радости отличиться гостеприимством...». Сын хозяйки и служанка ее были посланы «за ворота двора» навстречу войскам с двумя горшками масла и шестью хлебами. Нежданное и даровое угощение вмиг исчезло к неудовольствию изголодавшихся французов и изумлению отопевших москвичей, узнавших, наконец, с кем имеют дело¹⁰¹.

Вообще, в первые дни в Москве находились любопытствовавшие, которые расспрашивали встретившихся им солдат: «Вы Англичане или Французы?». Находились и такие, как, например, «управитель» графа Головкина, уверявшие, что «это не Французы, а Англичане!»¹⁰².

Описывая подробности своего неудавшегося бегства из города, когда французы уже вступили в Москву, П.Г. Кичеев упоминает о том, что сосед князя М.Д. Цицианова всерьез уверял все еще спасавшихся бегством москвичей: «Какие это Французы! Это Англичане пришли к нам на помощь». «Почтенных лет человек» не замечал, как один «неприятель» уже пытался зайти к нему во двор, а его кухарка совала французу кусок черного хлеба...¹⁰³

Одна из родственниц священника церкви Николаы, что в Зарядье, Андрея Ивановича Соколова, была в Москве при вступлении туда французов. Впоследствии она вспоминала, что «быв на Смоленском рынке и видя толпу народа, собравшегося на перекрестке (где теперь булочная Савостьянова), остановилась и, прислушавшись, поняла, что здесь ждут скоро прихода войска, которое послано нашему царю на подмогу от заграничной родни». Однако вместо этого «через некоторое время пошли мимо нее войска в медвежьих шапках, во главе которых, оказалось, ехал верхом сам Наполеон с громадною свитою». По словам воспоминательницы, «тут народ стал снимать шапки и из толпы зевак какие-то люди

¹⁰⁰ Имеется в виду Рождественский женский монастырь, на берегу р. Неглинной, близ Сретенских ворот в Белом городе.

¹⁰¹ Харузин Е.А. «Мелкие эпизоды из виденного и слышанного...» // 1812 года в воспоминаниях современников. С. 164–165.

¹⁰² Московский Новодевичий монастырь. Рассказ очевидца – штатного служителя Семена Климьча // РА. 1864. С. 419.

¹⁰³ Кичеев П.Г. Из недавней старины. С. 12.

подносили хлеб-соль и что-то говорили с самим Наполеоном». ¹⁰⁴ Таким образом, если ключи от Кремля поднесены Наполеону не были, то хлеб-соль Наполеону, вероятно, все-таки поднесли.

В остальном появление французов в древней столице России не было вполне беспрепятственным. Нестройными ружейными выстрелами встретили французский авангард, показавшийся близ Троицких ворот Кремля, несколько сот «защитников», до этого разбивавших кабаки и грабивших по улицам; надо полагать, они были из тех, кто все еще находился под впечатлением призывов, содержащихся в последних афишках, и иже с ними. Выстрелы явились для французов полной неожиданностью, поэтому с десяток человек из свиты короля Неаполитанского было ранено, вслед за чем стрелявшие даже бросились на французов в штыковую с криками «ура!». Но залп из легких орудий и кавалерийская атака остудили воинственный пыл, принудив толпу пасть на колени и сдаться.

Граф Василий Алексеевич Перовский, «квартирмейстерский офицер» при казачьих полках 2-й армии, оказавшийся в силу злосчастных для него обстоятельств на положении «пленного» в Москве, в разговоре с офицером корпуса Мюрата узнал, что того во время этой «атаки» ранил штыком в ногу «большой мужик», который затем стащил офицера с лошади, «лег на него и начал кусать его в лицо». Искусанный офицер с негодованием уверял Перовского, что «от мужика пахло водкой» ¹⁰⁵. Купец Я. Чиликин писал по тому же поводу: «...французы были очень раздражены нашими пьяными смельчаками...» ¹⁰⁶.

Въезд Наполеона в Москву состоялся утром следующего дня. Император французов разместился в царском дворце Кремля, куда накануне вступила молодая гвардия. Вслед за тем войска Великой армии стали занимать предназначавшиеся для них части Москвы. Они шли медленно, опасаясь неожиданного нападения, и полное отсутствие людей на пустынных улицах с опустевшими домами производило ни с чем не сравнимое впечатление.

После того, как выяснилось, что по необъяснимой для неприятеля причине Москву покинули правительственные учреждения, городские власти, чиновничество, пожарная команда и полиция, вследствие чего воцарилось полное безначалие, военными властями стали приниматься меры к поддержанию порядка в войсках — вдоль Москвы-реки и на некоторых улицах были расставлены кавалерийские пикеты для предупреждения грабежей, а также установлено патрулирование улиц. Однако весьма

¹⁰⁴ Шукин. М., 1898. Ч. 3. С. 256.

¹⁰⁵ РА. 1865. С. 262.

¹⁰⁶ Выписка из письма купца Я. Чиликина о пребывании французов в Москве. 13 ноября 1812 // Барклай де Толли М. Б. Изображение военных действий... СПб., 1912. С. 94.

скоро стало ясно, что принятых мер, включая и «примерные» наказания, недостаточно, и французская военная администрация встала перед необходимостью входить в разного рода отношения с оставшимися жителями. Это вытекало из очевидной потребности в наведении в городе должного порядка и дисциплины. Не найдя в Москве ни одного учреждения городского управления, Наполеон поручил главному интенданту Великой армии Ж.-Б. Лессепсу, бывшему французскому консулу в Петербурге, создать такое учреждение. Так появился муниципалитет, который должен был заниматься «средствами обеспечить продовольствование жителей, облегчить их страдания и дать оным помощь», а также «всем касательно администрации безопасности общей и внутренней города».

19 сентября на стенах уцелевших домов появилось, по-французски и по-русски, «Провозглашение» — обращение к жителям Москвы, подписанное Лессепсом, «интендантом города и московской провинции»:

«Жители Москвы!

Нешастия ваши жестоки, но Его Величество Император и Король хочет прекратить течение оных. Ужасные примеры вам показали, как он наказывает неповиновение и преступления. Строгие меры взяты, чтоб прекратить беспорядок и возратить общую безопасность. Отечественная Администрация избранная из самих вас, составлять будет ваш Муниципалитет или Градское Правление. Оно будет пешись об вас, об ваших нуждах, об вашей пользе. Члены онаго отличаются красною лентою, которую будут носить чрез плечо, а градской голова будет иметь сверхь онаго белой пояс. Но исключая время должности их они будут иметь только красную ленту вокруг левой руки. Городовая Полиция учреждена по прежнему положению, а чрез ея деятельность уже лучше существует порядок. Правительство назначило двух генеральных Комиссаров или Полицеймейстеров и 20 комиссаров или частных Приставов, поставленных во всех прежних частях города. Вы их узнаете по белой ленте, которую будут они носить вокруг левой руки. Некоторые церкви разнаго исповедания открыты, и в них безпрепятственно отправляется Божественная служба. Ваши сограждане возвращаются ежедневно в свои жилища, и даны приказы, чтоб они в них находили помощь и покровительство следуемые нешастию <...>».

«Провозглашение» заканчивалось призывом:

«Солдаты и обыватели, какой бы народности вы ни были! Возстановите общественное доверие, источник благоденствия государства, живите, как братья, подавайте взаимно друг другу помощь и покровительство,

соединитесь вместе, чтобы не дать ходу намерениям злых людей, повинуйтесь гражданским и военным властям, и в скором времени перестанут литься ваши слезы»¹⁰⁷.

Но как раз общественного доверия и не хватало. У перепуганных жителей, оставшихся один на один с неприятелем, не было и не могло быть, какого бы то ни было доверия к чужеземцам, тем более, что обыватели не испытывали желания сотрудничать с военной администрацией из боязни прослыть изменниками. Поэтому организация муниципалитета потребовала немалых усилий.

Кто же входил в состав московского муниципалитета, который помещался на Покровке в доме графа Румянцева? Членами его стали москвичи, которые могли изъясняться по-французски. Городским головой выбрали Петра Нахоткина (Находкина), купца 1-й гильдии, его помощником — Якова Дюлона, явно француза, но тоже московского купца, которому было поручено «смотрение за мостовой». Далее членами муниципалитета стали Николай Крок, сын купца («заведывал спокойствие и тишину»), Федор Фракман, московский именитый гражданин («по квартирмейстерской части») и Егор Менье из Вюртемберга, которому поручили «надзор за ремесленниками и пособие бедным». Кроме них членов городского правления было еще 60 человек. Надворный советник А.Д. Бестужев-Рюмин был включен в состав муниципалитета «для попечения о бедных и вспомоществования им». Купец 3-й гильдии Иван Позняков ведал «покупкою провианта». Бухгалтер Карл Куст «исправлял должность секретарскую». Остальные члены муниципалитета занимали должности комиссаров и их помощников, среди которых оказалось немало чиновников, но были и лица свободных профессий, преподаватели, отставные военные и даже «московский полицейский квартальный поручик» Василий Галданов. Московских купцов в муниципалитете числилось 19 человек, чиновников российской службы — 12, лиц свободных профессий — 8, столько же разночинцев, потомственных дворян — 3, один мещанин и один дворовый человек. Французов же вкуче с «иностранцами» и явными нерусскими всего было 30 человек.¹⁰⁸ Однако почти наверняка, половина из них лишь по фамилии могла почитаться за не природных русские; на самом деле они сильно обрусели, давно переселившись в Россию.

¹⁰⁷ Шукин. Ч. 1. С. 163.

¹⁰⁸ РА. 1864. С. 412–416; Документы, относящиеся к истории 1812 г. Сб. исторических материалов, извлеченных из архива Собств. Его Императорского Величества Канцелярии. Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1913. Вып 14. Ч. 2. С. 266–268.

При вступлении в должность новый городской голова заявил: «...должен официально объявить, что ничего не стану делать против веры и моего Государя. Иначе мы скорее умрем, чем не исполним долга, который в наших глазах есть первый и священный...». Поступок Находкина особенного мужества не требовал, никаких «репрессалий» против него в связи с этим предпринято не было, и никого из членов муниципалитета к присяге императору французов не приводили.

Деятельность муниципалитета оказалась более чем кратковременной, он просто не успел никоим образом проявить себя, ибо вскоре после его создания Великая Армия вынуждена была оставить Москву. Хотя возможно, что, если бы не пожар, ему при содействии французской военной администрации удалось бы навести минимальный порядок. Несмотря на то, что, согласно инструкции Лессепса, собрания должны были проходить два раза в неделю, члены муниципалитета собирались почти ежедневно. Естественно, что первое время они испытывали определенное принуждение со стороны французских властей, но вскоре, «забыв себя, презирая опасности, которые грозили им отовсюду, они отделились деятельности на пользу несчастных москвичей», которой следовали, будучи разными по положению в обществе людьми, но оказавшимися связанными общей целью «вспомоществования лишенным крова и пропитания».¹⁰⁹

24 сентября было обнародовано новое «Провозглашение», подписанное тем же Лессепсом:

«Вы, спокойные Московские жители, мастеровые и рабочие люди, которых нещастия удалили из города, и вы, разсеянные земледельцы, которых неосновательной страх еще задерживает в полях, слушайте!

Тишина возвращается в сию столицу и порядок в ней восстанавливается. Ваши земляки выходят смело из своих убежищ, видя что их уважают. Всякое насильствие учиненное против их и их собственности немедленно наказывается. Его Величество Император и Король их покровительствуют и между вами никого не почитает за своих неприятелей, кроме тех кои ослушиваются его повелениям. Он хочет прекратить Ваши нещастия и возвратит Вас вашим дворам и вашим семействам. Соответствуйте же его благотворительным намерениям и приходите к нам без всякой опасности...»

Там же московское «правительство» перечисляло принятые им меры к обеспечению свободной продажи съестных припасов:

¹⁰⁹ Огородников В.И. Из юбилейной литературы об Отечественной войне 1812 г. // Труды и протоколы Педагогического общества, состоящего при Императорском Казанском университете. Т. II. № 2. Казань. 1913. С. 21.

«1. Щитая от сего числа, крестьяне, земледельцы и живущие в окрестностях Москвы, могут без всякой опасности привозить в Город свои припасы, какого бы роду не были, в двух назначенных лабазах, то есть на Махавую; и в Охотной ряд. 2. Оныя продовольствия будут покупаться у них по такой цене на какую покупатель и продавец согласятся между собою; но естли продавец не получит требуемую им справедливую цену, то волен будет повести их обратно в свою деревню, в чем никто ему ни под каким видом препятствовать не может. 3. Каждое Воскресенье и Середа назначены еженедельно для больших торговых дней; по чему достаточное число войск будет розставлено по вторникам и субботам на всех больших дорогах в таком разстоянии от города, чтоб защищать те обозы...»¹¹⁰.

Меры по снабжению Москвы продовольствием предпринимались, разумеется, в первую очередь в интересах армии, но имели отношение и к тем учреждениям, которые оставались в Москве. Касались они и тех жителей, которые обретались в своих домах, монахов, не покинувших монастыри, госпиталей, где лежали и русские раненые. Касались они и таких заведений как Воспитательный дом, где находилось 1125 воспитанников и при них служащих.

Меры по поддержанию порядка, предпринимавшиеся французской стороной, вполне соответствовали обстановке и, так сказать, духу времени. Перед нами так называемый дневной приказ (*Ordre du jour*), подписанный начальником штаба Великой армии маршалом А. Бертье и напечатанный параллельно по-французски и по-русски. Расклеен по Москве 29 сентября 1812 г.:

«Не взирая на данния повеления чтоб прекратить грабеж, однако оный в некоторых частях города продолжается; почему и приказывается Господам Маршалам, Главным Командирам армейских корпусов, чтоб солдат держать в пределах частей их квартирования.

Имянно запрещается позволять какому бы не было Офицеру или солдату приходить в город в отрядах или поодиночке, чтоб отыскивать муку, кожи и прочие вещи.

Император приказал Генеральной Администрации составить магазины изо всего, что может быть оставлено в городе жителями, которые бежали, и бросили свое имяние; Его намерение есть, употребить что найдено будет на регулярные роздачи для армии...

Господин Губернатор Маршал дюк де Тревиз, прикажет караульным на заставах, разным постам и патрулям в городе, арестовать тех, кто будут

¹¹⁰ Щукин. Ч. 1. С 165.

нести или переносить припасы не происходящие от регулярных раздачей...

Господа Маршалы сделают все распоряжения которые от них зависеть будут чтоб защищать крестьян которые будут вести припасы и фураж в Москву...

Солдаты, которые будут взяты под караул, и которым будет доказано, что продолжали грабеж, будут преданы, считая от завтрашнего дни, то есть, от 18/30 Сентября, воинским комиссиям, и будут суждены по строгости законов»¹¹¹.

Шаги, направленные на поддержание дисциплины и защиту жителей, предпринимались и далее, но в тогдашних условиях, когда город был оставлен на произвол судьбы, «правильное» снабжение так и не налаживалось, а порядок оставлял желать лучшего, они не достигали поставленной цели.

Тушением пожара во всех частях города занимались солдаты Великой армии по месту своего расквартирования. Но при отсутствии пожарных насосов усилия отстоять занимаемые ими помещения зачастую оказывались тщетными. Опустевшие и заколоченные, дома москвичей выгорали дотла, и французы, останавливавшиеся там «на постое», переходили из дома в дом. Те же дома, где проживали люди, по тем или иным причинам оставшиеся в Москве, порою сохранялись невредимыми или лишь отчасти затронутыми пожаром. Так, дом В.М. Голицына остался цел за исключение строений во дворе, «да и почти не разграблен».¹¹²

Расследование причин пожара было поручено особой военной комиссией. Ее внимание привлекли предметы, обнаруженные на даче князя Н.Г. Репнина-Волконского. Переведенное с французского «Подробное описание разных вещей, найденных в одном из строений на даче Воронцова (sic! — *С.И.*), близ Москвы, принадлежащих к воздушному шару или адской машине, которую Российское Правительство велело сделать какому-то Шмиту Англичанину без сомнения но называемому себя Немецким уроженцем, имевшей служить будто бы для истребления Французской армии и ее аммуниций», датируется 12 сентября 1812 г. В описании значится «лодка, которая должна была быть подвешена к оному шару, но которая была создана днем прежде вступления Французских войск в Москву. Она лодка <...> имела 60 стоп длины и 30 — ширины, в ней находится много остатков винтов, гаек, гвоздей, крючей, пружин и множество прочих железных снаря-

¹¹¹ РА. 1864. С. 408–412.

¹¹² РА. 1874. № 5. С. 1332.

дов всякаго роду». Помимо этого, в «Подробном описании...» упоминается о найденных 180 бутылках купоросу и следах «разброшенного и растоптанного пороху»¹¹³.

На основании расспросов пленных и обывателей и путем собственных догадок французы пришли к заключению, что сооружение аэростата служило лишь прикрытием, а на самом деле в Воронове, куда кроме прочего были доставлены 7 больших бочек пороха, занимались изготовлением «снарядов», имея в виду конечную цель генерал-губернатора — сожжение Москвы¹¹⁴. В одном из «Бюллетеней Великой армии», не раз поминавших имя московского главнокомандующего как главного поджигателя Москвы, упоминается между прочим о поимке поджигателей, у которых были «ракеты, каждая в шесть дюймов величины, укрепленные между двумя кусками дерева». У них найдены были и зажигательные снаряды, которые бросали на кровли домов. По уверению «Бюллетеня», «этот презренный Ростопчин велел приготовить такие зажигательные средства, распустив при этом слух, что готовится воздушный шар, с которого польется огненный дождь на французские войска и истребит их». Согласно «Протоколу французской военной комиссии, судившей поджигателей, 24 сентября 1812...», вполне доказано, что «приготовление к построению великаго шара, только выдуманно для того, чтоб скрыть истину, ибо в оном селе Воронове ни чем другим не занимались, кроме фейерверков»¹¹⁵. Выводам протокола вторят воспоминания москвича и режиссера московского французского театра Антуана Домерга: «Под руководством англичанина Смита, присланного из Петербурга, они (рабочие — С.И.) делали ракеты, предназначенные для зажжения города на случай его занятия, но, чтобы обмануть публику на счет этих приготовлений, было объявлено, что готовится большой аэростат, который, по наполнении его горючими составами, будет пущен над неприятельской армией»¹¹⁶.

Когда были схвачены первые исполнители ростопчинского плана, а две трети деревянных домов в Москве уже выгорело, французы, убедившись в том, что пожары не случайны, уже не останавливались перед крутыми мерами. Итальянец-гравер, проживавший в то время в Москве, рассказывает, что, идя по Басманной к Ильинским воротам, «увидал, как из дома князя Куракина вышел управляющий с четырьмя лакеями, которые палками гнали перед собою пьяного человека в белом армяке. По-

¹¹³ Шукин. Ч. 1. С. 140.

¹¹⁴ Родных А.А. Тайная подготовка к уничтожению армии Наполеона... в двенадцатом году при помощи воздухоплавания. СПб., 1912. С. С. 34–35.

¹¹⁵ Шукин. Ч. 1. С. 129–143.

¹¹⁶ Исторический Вестник. 1881. № 7. С. 601.

гоняемый держал в руках шапку полицейского и радостно кричал: «Как хорошо горит!». Люди Куракина объяснили, что поймали его на поджоге дома, и затем отвели к французам, которых встретили у горевшего дома князя Трубецкого. Французские солдаты тотчас же расстреляли поджигателя¹¹⁷.

Упомянувшийся выше Перовский описал в своих записках сцену в Кремле, свидетелем которой был: «...Я увидел несколько солдат, ведущих полицейского офицера в мундирном сюртуке. Его взвели на площадку, и один штаб-офицер начал его допрашивать через переводчика. “От чего горит Москва? Кто приказал зажечь город? Зачем увезены пожарные трубы? Зачем он сам остался в Москве?” и другие тому подобные вопросы, на которые отвечал дрожащим голосом полицейский офицер, что он ничего не знает, а остался в городе потому, что не успел выехать. “Он ни в чем не хочет признаваться, — сказал допрашивающий, — но очень видно, что он все знает и остался здесь зажигать город. Отведите его и запирайте вместе с другими”. Я старался, но тщетно, уверить, что квартальный офицер точно ни о каких мерах, принятых правительством, знать не может. “Что с ним будет?” — спросил я у офицера, который его допрашивал. “Он будет наказан, как заслуживает: повешен или расстрелян с прочими, которые за ту же вину с ним заперты”»¹¹⁸.

В конце концов, пожары прекратились: то ли потому, что уже некому было поджигать, то ли потому, что дожди воспрепятствовали дальнейшему распространению пламени.

Для оставшихся в Москве русских людей и занимавшей ее неприятельской армии пожары имели едва ли не самые тяжкие последствия. Страшные бедствия испытали на себе все, кого коснулось это поветрие, истребившее многочисленные московские здания большей частью со всем, что там ни хранилось. Неизвестно, что чему предшествовало, грабежи и уличные эксцессы или пожары, но то и другое часто выступало и следствием, и причиной — в каждом случае оказывалось по-разному. Целые улицы домов стояли заколоченными, представляя собой изрядный соблазн для любого, в том числе и солдат Великой армии, но не только для них.

Однако французская администрация не оставалась безучастной, если к ней обращались за помощью, пытаясь остановить беспредел и навести порядок. Известно несколько случаев, когда такое вмешательство имело некоторый успех.

Чиновник Архива Вотчинного департамента московского Сената надворный советник граф Алексей Дмитриевич Бестужев-Рюмин из-за

¹¹⁷ Вендрамини Ф. Французы в Москве в 1812 г. // Русский Инвалид. 1864. Прибавление № 30.

¹¹⁸ РА. 1865. С. 265–266.

болезни жены остался в Москве «при делах» Архива, в котором служил. Собрание бесценных документов хранилось тогда на верхнем этаже здания московского Сената¹¹⁹. Находясь в Кремле, Бестужев-Рюмин увидел, как солдаты выбрасывают из окон дела Вотчинного архива, и рано утром 3 сентября явился к Наполеону с просьбой о «покровительстве в сохранении архивов департамента». После осмотра помещений Архива гофмаршал Наполеона Мишель Дюрок герцог Фриульский «объявил благоволение» от имени императора и дал обещание, что архивы останутся целы, отрядив для этой цели полковника и четырех часовых. Солдаты Старой гвардии, уже ставшие там наводить свои порядки, были выдворены из помещения Архива, а к наружным дверям приставлены часовые¹²⁰.

Главный надзиратель Императорского Воспитательного дома генерал-майор и действительный статский советник Иван Акифьевич Тутолмин, дождавшись «вышних неприятельских начальников», кое-как «продрался» в Кремль, откуда был препровожден в дом генерал-губернатора Антуана Дюронеля на Тверскую, и просил его о «салвагвардии» (фр. «спасительной страже» — С.И.) для охраны вверенного ему учреждения. Губернатор распорядился дать Тутолмину 12 конных жандармов во главе с офицером¹²¹. Не был забыт Московский Воспитательный дом и впоследствии. Отдавая распоряжения маршалу Э.-А. Мортье герцогу Тревизскому, генерал-губернатору Москвы, Наполеон в середине октября писал: «Вам надлежит осуществлять охрану всей Москвы, насколько то возможно, не привлекая к тому войска; вам особенно следует охранять Кремль, который является крепостью, Воспитательный дом (*les Enfants trouvés*), где следует разместить и больных, большие погреба спиртных напитков, Каменный мост и монастырь, где квартирует принц Экмюльский (маршал Франции Н. Даву — С.И.) и находится мост через Москву-реку...»¹²².

Некое московское семейство, гонимое ужасами пожаров и грабежей, приютилось в доме знакомого немца, содержателя пансиона. Вспомнив про старуху-мать одного из членов семьи, послали внука проведать ее в Голицынскую больницу. Мальчик, бывший «духовным ритором» Славяно-Греко-Латинской Академии, пришел к воротам больницы и был пропущен французским часовым, сказавшим только: *Allons donc, Russe, marchez* (фр., ступайте же, русский, проходите). Когда же тот, поймав бабушку, сказал ей, что не чаял зреть ее в живых посреди «ужасов»,

¹¹⁹ РА. 1912. № 10. С. 250–251.

¹²⁰ РА. 1896. № 7. С. 371.

¹²¹ И.А. Тутолмин — почетному опекуну Н.И. Баранову, ноябрь 1812 // Шукин. М. 1900. Ч. 5. С. 148.

¹²² *Correspondance de Napoléon Ier*, publiée par l'ordre de l'Empereur Napoléon III. Paris. 1868. Т. 24. N 19286.

«мучений» и «злодейств», то услышал в ответ: «О каких ты толкуешь злодействах? Да мы, живя в богадельне, не слыхивали и не видели не только никакой обиды, но даже дурного слова. У нас во всем доме прежняя тишина и спокойствие; если бы в городе не пожары, так мы бы и не знали, что гостит неприятель. Нам, старухам, говорил эконо́м, что когда заморский на́больший переехал сюда жить в главный корпус, то сейчас же призвал его к себе и приказал, чтобы в больнице и богадельне все шло прежним порядком, все были бы сыты, одеты и обу́ты; да сверх того велел еще каждодневно служить священнику обедню. Мы сами не можем надивиться, говорят на́больший-то веры басурманской, а дела творит христианския»¹²³.

Встретив со стороны французов толику участия и наблюдая, что происходило вокруг, генерал Федор Иванович Мосолов, получивший 20 сентября от французского коменданта генерала графа Э.-Ж. де Мило своего рода «охранный лист», впоследствии записал в своих воспоминаниях: «...Стало и у французов есть добрые люди и жалостливые к несчастным; дай Бог ему здоровья; даже и в солдатах есть много добрых людей; как я был в саду у Шевалдышева уже больной и раненой: то иные французы приходили только посидеть с нами, и с собою вино разного сорта приносили, потчивали и нас им; и детям давали коринки <...> однако ж ничего не брали, и сапог ни у кого не снимали, уходили от нас ничего не сделавши злаго...»¹²⁴.

Разумеется, начальствующие лица, на помощь которых можно было рассчитывать, оказывались поблизости далеко не всегда.

Стихии пожара и грабежа охватили все части Москвы, поэтому многие очевидцы-мемуаристы повествуют о насилии, которое довелось пережить если не им самим, то их знакомым и близким людям. Один из таких очевидцев, получивший приют в какой-то из замоскворецких церквей, вынужден был покинуть ее из-за приближавшегося пожара и затем колесить по разным еще не охваченным огнем улицам, пока не добрался до Полянской площади. Там толпу обывателей окружили грабители: «Площадь огласилась воплями мучимых страдальцев. Грабители разрывали узлы, отыскивали драгоценности и разбрасывали остальное; с мужчин снимали одежду и сапоги, в которых сами нуждались обновившись; с голов женщин срывали платки и шали, с злобою сдергивали и срывали платья, вытаскивали из карманов часы, табакерки, золотые и серебряные монеты, вырывали из ушей серьги и снимали с пальцев кольца и перстни. Пусть всякой дополнит воображением, какое зре-

¹²³ *Рязанов А.* Воспоминания очевидца о пребывании Французов в Москве в 1812 году. М. 1862. С. 169–171.

¹²⁴ *Щукин.* М. 1904. Ч. 8. С. 343.

лише представляла эта площадь, окруженная пожаром, освещенная заревом, наполненная дымом, смрадом и пеплом, оглашаемая воем и свистом бури...»¹²⁵. Подобные сцены происходили в разных частях Москвы, и те, кто имели несчастье оказаться затронутыми стихией грабежа, часто хорошенько не представляли себе, с кем «имеют дело». Кто были эти «злодеи»? Не те ли, кого выпустили из тюрем накануне вступления в Москву неприятеля?

Фрейлина М.А. Волкова призналась в письме подруге от 17 сентября, что, узнав уже в Тамбове о судьбе любимой ею Москвы, «пролежала три дня в постели, не будучи в состоянии ни о чем думать и ничем заниматься»¹²⁶. В последующих письмах она не жалела проклятий на головы французов, называя их варварами, и высказывала пожелание «лишь бы французов истребили». Когда неприятель оставил Москву, ей дышалось свободнее «при мысли, что Французы не ходят по милому праху и не оскверняют своим дыханием воздуха, которым мы дышали»¹²⁷. Когда же фрейлину известили, что дома ее в Леонтьевском переулке больше нет, она писала 17 декабря: «Я не хочу ненавидеть их, прошу Бога простить их злодейства; но положительно можно сказать, что с тех пор как мир существует, ни в древней, ни в новой истории не найдешь поступков подобных преступным действиям их в нашем Отечестве». И тем примечательнее ее письмо, написанное в последний день года: «Вообрази, теперь открывается, что величайшие неистовства совершены были в Москве немцами и поляками, а не французами. Так говорят очевидцы, бывшие в Москве в течение шести ужасных недель»¹²⁸, и если раньше фрейлина оправдывала действия Ростопчина, то в последнем письме уже сквозила ненависть к тому, кто предал Москву огню.

Грабительское поветрие не миновало в Москве никого: в грабежи были так или иначе вовлечены солдаты и офицеры всех наций, составлявших Великую армию. Вместе с тем, характерен факт, отмечаемый почти во всех письмах и мемуарах: французы проявляли больше сострадания и понимания нужд простых обывателей. Например, некий Т-в пишет в связи с этим: «Из всех нахлынувших с французами народов, собственно французы, как офицеры, так и солдаты, были человечнее и жалостливее к побежденным, между тем, как другие племена, в особенности поляки и саксонцы, судя по всем рассказам, слышанным мною, отличались грубостью нравов и жестоким обращением...»¹²⁹.

¹²⁵ Там же. С. 77.

¹²⁶ РА. 1872. № 12. С. 2397–2398.

¹²⁷ Там же. С. 2407.

¹²⁸ РА. 1872. № 12. С. 2434.

¹²⁹ Шукш. Ч. 4. С. 339–340.

Мелкий торговец, владелец лабаза в Зубове, рассказывая как двое солдат ободрали икону, сняв с нее серебряный венчик и вынув из такой же рамы, прибавляет, что «это были не настоящие французы; а настоящие—то были так милосерды; как бывало придут, мы их сейчас узнаем по речи да по манерам, и не боимся, потому знаем, что у них совесть есть. А от их союзников упаси Боже! Мы их так и прозвали *безпардонное* войско, что их ни просьбой, ни слезами не возьмешь. В народе даже говорили, что их пуля не берет. Коли не делом, так уж словом обидят <...> А Французы уж бывало не обидят даром. Пришли они раз и стали везде шарить. Сестры сробели и убежали из комнаты, а сами из двери выглядывают. Как они их увидели, сейчас позвали и стали ласкать. Мало того, на другой день глядим, идут опять те же самые с гостинцами: принесли детям игрушек, из лавок вероятно взяли»¹³⁰.

По воспоминаниям П.Г. Кичеева, «теперь, когда все страхи дело прошлое, и к слову надо правду сказать, что Французы и тогда были очень благородны...»¹³¹. Вежливость их проявлялась даже в грабительствах и представляла собою странные противоречия. Войдя ночью в дом некоего профессора Университета, — сообщает «бывший офицер русской службы», — солдаты, узнав, что жена хозяина в родах, на цыпочках проходили мимо ее кровати, закрывая рукой зажженные свечи, и забрали все, что ни принадлежало мужу, но не тронули дамских вещей»¹³².

Неизвестный московский обыватель, описывая обрушившиеся на него невзгоды во время неприятельского нашествия, рассказывает, что бывшие у него на постое французы делились с ним едой, выражали сожаление о постигших его семью несчастьях и были учтивы¹³³.

По воспоминаниям другого москвича, одного из его знакомцев французы подрядили нести бочонок. «Идти пришлось даль страшную», а как пришли, налили ему стакан принесенной им в другую часть Москвы водки. «Он выпил, поклонился и стал им объяснять, что назад идти далеко, и он боится, как бы дорогой их братья его не обидели». Французы поняли, «дали ему записку и велели, если кто его обидит, эту записку показать. И точно, повстречался он с Французами: едут все верхами и везут лисьи меха. Как увидели отца, так сейчас подозвали его и приказали ему эти меха нести, а он подал им записку». Те как прочли, так и «махнули

¹³⁰ Тольчева. Рассказ старушки. С. 18, 37 и далее.

¹³¹ Кичеев П.Г. Из недавней старины. С. 13.

¹³² В...ch A. F. de. Histoire de la destruction de Moscou, en 1812. Traduit de l'allemand par Breton. Paris, 1822. p. 110—112.

¹³³ Рассказ москвича о Москве во время пребывания в ней французов в первые три недели сентября 1812 года. М., 1859. С. 92—93.

рукой и говорят: «Але!» (*allez!* франц. — ступайте!) и предъявитель записки был отпущен¹³⁴.

«И грех сказать, — пишет «старушка» Новосильцева, — что *настоящие* французы нас обижали. Мы их скоро опознавать стали по их речи. Отправятся они бывало на добычу, придут куда в дом, который не выгорел, наберут себе в мешок всякой всячины, да кого из наших встретят на улице, сейчас захватят и прикажут набранные вещи нести до своей квартиры; много из наших знакомых им таскали, так они сказывали, что с пустыми руками никого не отпустят: напоят, накормят, когда съестного с ними отпустят, а когда мелкими деньгами наградят... Мы Французов лихом не поминаем».¹³⁵

По словам того же Кичеева, «сколько собственно Французы были учтивы и даже любезны, может служить доказательством деликатное обращение с одною Грузинскою княжною, которая жила на большой Пресненской улице и была уже дряхлая старуха». Стоявшие в ее доме французы «всякий раз присылали ей супу и даже кофе». Несмотря на преклонные лета, дама пережила французское нашествие и умерла «слишком 100 лет от роду» в конце 1814 г. «Сказывали, — не упускает заметить мемуарист, — что в молодости она была красавицей и находилась в серале Надир-шаха, умершего в 1747 г.»¹³⁶.

Уже много лет спустя после того, как французы оставили Москву, во дворе обсерватории Московского университета профессор Ф.А. Бредихин обнаружил вделанную в стену чугунную доску, списал выбитую на ней надпись и прислал в журнал «Русский Архив»:

«На этой горке, 1812 года, в бытность Наполеона с войсками в Москве, Московский фабрикант Василий Иванович и сын его Иван Васильевич Прохоровы спасались от пламени, объявшего Москву, и грабежа неприятелей. Во всех неистовых поступках преимуществовали пред другими нациями Поляки и Итальянцы. Французской же гвардии полковник не допустил до разграбления последний запас муки и картофеля, и тем запасом Прохоровы продовольствовались до конца Сентября месяца, выхода своего из Москвы в Зарайск, куда его супруга Екатерина Никифоровна, с сыновьями, Константином и Яковым и дочерью Анною В., выехала 25-го Августа. Этот же добрый Французский полковник, выезжая отсюда в поместье Острой, графини Орловой-Чесменской, заходил проститься с хозяином Василием Ивановичем и подарил сыну его Ивану В. подзорную трубку. Вечная ему память!»¹³⁷.

¹³⁴ Рассказы очевидцев двенадцатого года. М., 1880. С. 10–11.

¹³⁵ *Тольчева*. Рассказ старушки...С. 58–59.

¹³⁶ *Кичеев П.Г.* Указ. соч. С. 39.

¹³⁷ РА. 1884. Т. 22. № 4. С. 337.

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что природные французы нередко выказывали сочувствие несчастиям москвичей, оказавшихся в охваченном огнем безвластным и пустынным городе.

Но только ли солдаты *беспардонного войска* и иже с ними занимались бесчинствами? А сами грабежи разве не прямое следствие того, что жители, по своей ли воле движимые страхом, были вынуждены покинуть собственные квартиры и дома?

Полковник Федор Толь, московский обер-полицмейстер, сообщил своему корреспонденту в письме от 29 октября о том, что «в доме у меня все разграблено; трое стеновые часы, картины, портреты, мебель, книги и планы мои все растощены, ваш и мой портрет тоже унесены <...> В доме почти все стекла разбиты, по причине что французы подорвали порохом весь артиллерийский полевой двор, который близко к моему дому был». И далее: «Правда сказать, что французы не столько нас разграбили, как наши русские, крестьяне подмосковные, приехавши в Москву, господски люди и протчей сволочь, все пьянстве разграбили нас — оставшихся дома в Москве от пожара; в деревнях, лежавшихся круг в Москве набиты разграбленными вещами и мебельми. Верите Богом, батюшка Василий Степанович, что ужасно жить тепер в Москве...»¹³⁸.

В то время полного безначалия происходил великий «передел собственности», что не удивительно, ибо, повторимся, многие и многие дома стояли запертыми и заколоченными. И дело здесь отнюдь не только в выпущенных на волю из тюрем и ям московских колодниках. Собственность без призора большей частью становилась добычей людей, не стеснявшихся никакими нравственными понятиями, когда вольно было поступать сообразно с обстоятельствами.

По соседству с домом Трубецких на Покровке, — рассказывает в своих записках член муниципалитета Григорий Никитич Кольчугин, — «люди, князем в доме оставленные», жили в подвалах и, «соединясь с французами, производили грабежи». Неоднократно грабили они и дом Кольчугиных, вывозя имущество в село Знаменское за Царицыным. Сам Кольчугин, наведаясь туда, где обреталась шайка, однако смог опознать лишь некоторые вещи, что не успели вывезти¹³⁹. После того, как неприятель покинул Москву, было назначено следствие и пятеро грабителей, по прошению своего господина, были отправлены на поселение или крепостные работы.

О грабежах в занятой французами Москве многое можно узнать из обширного дела о купце 3-й гильдии Иване Григорьевиче Познякове и его сообщниках. Это была целая воровская шайка на компанейских

¹³⁸ РА. 1866. № 5. С. 993—994.

¹³⁹ Кольчугин Г.Н. Записки ...о 1812 годе. М. 1879. С. 21—25.

началах, грабившая в Москве Гостиный двор и другие места поживы не хуже неприятеля. В состав ее входили, главным образом, московские купцы, мещане, крестьяне и прочий люд; оказались прикосновенными к «делу» и полицейские чиновники Н.И. Штегельман и Г.П. Смирнов, бравшие с воров, каковых было более 30, взятки. Пособниками Познякова были его жена, купец 2-й гильдии М.Е. Карнеев, купцы 3-й гильдии П.И. Брыткин, М.А. Шапошников и Е.И. Посников, брест-литовский купец 1-й гильдии В.П. Попов, киевский купец М.М. Резенков, крестьянин П. Прасолов и другие. Все они остались в Москве, когда она была сдана французам, и усердно занимались присвоением чужой собственности, делая наезды на Гостиный двор и в частные дома, а собранные товары и «вещи» свозили в дом Позднякова и там делили. На допросах Брыткин показал, что, «по приглашению Позднякова, вместе с купцом Поповым, Резенковым, Вепринцевым, Посниковым и извозчиком Прасоловым ездили неоднократно в город и брали там во время Горения Гостиного двора, по указанию Позднякова, разные товары, но из чьих амбаров или лавок — не знает». Брали они синюю кубовую¹⁴⁰ краску, итальянский шелк, хину, английскую прядильную бумагу, чай, гвоздику и проч. Почти все сознались в соучастии, как и сам Поздняков. Так, извозчик Прасолов рассказал на допросах, что 6 сентября ездил он вместе с Позняковым и прочими в Гостиный двор, где купцы набрали «полную бричку» разного товара, а 7 сентября Поздняков с женой увезли оттуда полную бричку фаянсовой и фарфоровой посуды, и несколько раз ездили туда же на поживу, увозя вино, изюм и другие товары.

По выступлении французов из Москвы брест-литовский купец Попов отправил в Харьков награбленный товар на 12 подводах. Поздняков требовал от него за эти товары «10 процентов в общую кассу» — при том, что он сам с женой взяли себе из всего таким образом «приобретенного» товара 55 процентов, Брыткину предлагалось 20, а Попову и Вепринцеву по 10. По выезде из Москвы они едва не передрались из-за награбленного.

По примеру купцов «чистили» Гостиный двор и другие оказавшиеся близ него люди. Так, крестьянин Ефимов и дворовый человек Никифоров таскали мед из медового ряда, рыбу, церковные книги и прочее, а затем ограбили трех крестьян, тащивших из рядов шали и платки. Эти и многие другие грабители из крестьян откровенно признавались на суде в своих грабежах, но купцы пытались ввести судей в заблуждение, утверждая, будто не грабили, а стремились «предохранить от пожара» товары Гостиного двора, которые «французы жгут без всякого сожаления...»¹⁴¹.

¹⁴⁰ Кубовая, т. е. темно-синяя краска, получаемая из индиго.

¹⁴¹ Шукш. Ч. 4. С. 1—49, 146—149.

По суду членов шайки приговорили к суровым наказаниям, но по силе всемилостивейшего манифеста о прощении все были освобождены, но это было в 1814 г., а в году 1813-м с 1 января все номера «Московских ведомостей» полны объявлений о похищенных у москвичей «в бытность неприятеля» вещах, которые вряд ли могли понадобиться солдатам Великой армии. Речь идет о патентах на чины, аттестатах по службе, разного рода доверенностях, в том числе и на управление имениями, заемные письма, купчие крепости, векселя на приличные суммы, билеты «на взнесенный в сохранную кассу капитал», разного рода квитанции и прочая и прочая (кстати или не кстати, в одном случае пропал ящик с подлинными письмами Петра Великого, в другом – рескрипты Екатерины II). И все эти объявления печатались по четыре положенные раза, то есть пропаяи едва ли были обнаружены.

Многочисленные церкви и монастыри также в большинстве своем стояли безо всякого присмотра, подвергаясь грабежу во многом потому, что священнослужителей в церквях не было. Никакого распоряжения ни со стороны Св. Синода, ни от генерал-губернатора не производилось, однако «духовенство московское, спасая святыню и драгоценности церковные, в большинстве, вместе с тем, ревностно заботилось и о своем спасении... личном».¹⁴² Мало того, что «начальники их [московских монастырей] и почти вся братия были в бегстве»,¹⁴³ так еще и «священнослужители покинули свои приходы», а «оставленные жители, в том числе и наши раненые воины, лишены были святых таинств»¹⁴⁴.

Послушник Голутвинского монастыря (Богоявленский Старо-Голутвинский мужской монастырь, основанный в 1385 г. в городе Коломна при впадении р. Москвы в Оку) сообщает о том, что привезенный из-под Бородина в Москву тяжелораненый подполковник лейб-гвардии Семеновского полка Александр Яковлевич Губерти 29 августа скончался, а поскольку «священник от Никиты мученика уехал из Москвы, да и в прочих церквях священников не оказалось», родственники послали слуг смотреть, «не проедет ли какой батюшка», чтобы пригласить его отпеть покойника. Одного такого едущего вон из Москвы остановили и «упросили совершить христианский обряд»¹⁴⁵. Раненый в Бородинском сражении знакомый нам А.С. Норов ни словом не упоминает, были ли русские раненые посещаемы православными священниками в Москве.

¹⁴² Матвеев Н.С. Москва и жизнь в ней накануне нашествия ... С. 248.

¹⁴³ Записки митрополита Московского Филарета // Осьмнадцатый век. Исторический сборник, изд. П.И. Бараневым. М., 1869. Кн. 1. С. 507.

¹⁴⁴ Свербеев Д.Н. Воспоминания о московских пожарах // Вестник Европы. 1872. № 11. С. 317.

¹⁴⁵ Губерти Д.В. Отзвук Бородинского боя // РА. 1900. № 6. С. 238.

14 сентября в письме к своему зятю, протоиерею села Черкутина Владимирской губернии, собравшемуся бежать с приближением французов, опальный М.М. Сперанский писал: «Не слушайте бабьих басен, будто на духовный чин нападают — совсем нет. *Какой стыд бежать от пустого страха и как вам после к своим прихожанам показаться!*» (курсив наш — С.И.).¹⁴⁶ Протоиерей собирался к тестю в Нижний Новгород, а Сперанский его отговаривал. Внял ли зять разумному совету — неизвестно, но он был, вероятно, наслышан рассказов о почти что библейских ужасах, будто бы творимых французами в Москве.

Но, что поделать, если решительно все русские люди в 1812 г. были уверены в том, что французы в Москве творили именно библейские ужасы, ведь описаниями происходившего в Москве полнились страницы газет, летучих листов и прочих печатных изданий? «Варвары сии, тщеславящиеся просвещением, — писал в своем сочинении нижегородец Евграф Протопопов, — хвалятся ныне убийством старцев и слабых младенцев, безчестят жен и юных невинных дев, ругаются святым иконам, храмы и жертвенники Господни превращают в жилища мерзости и запустения, хладнокровно умерщвляют служителей божиих и кровь их смешивают с чистейшею кровию Богочеловека, пролитую за спасение рода человеческого...».¹⁴⁷ Но так ли было все это на самом деле?

Между тем, в описании своего пребывания в Москве священник Успенского собора Иоанн Бажанов ни о разорении московских церквей, ни о положении духовенства ничего не пишет; только один факт отмечен у него, а именно: после разного рода приключений отец Иоанн нашел себе пристанище в девичьем Рождественском монастыре, где, благодаря жившему там «неприятельскому начальнику», монахини пребывали «очень покойно», имея «все нужное к продолжению жизни», и «сей слабый, немощный и беззащитный преподобных дев лик во все его («неприятельского начальника» — С.И.) пребывание в обители ни малейшего не терпел притеснения...».¹⁴⁸

В Даниловом монастыре французские офицеры занимали настоятельские и братские кельи. По свидетельству остававшихся там монахов, солдаты и офицеры часто ходили в церковь, с любопытством осматривали ее, но ничего не трогали и не унесли с собой¹⁴⁹.

В Страстном женском монастыре французские гвардейцы снабдили игуменью всем необходимым для богослужения, включая и вино, крупит-

¹⁴⁶ РА. 1892. № 8. С. 409.

¹⁴⁷ Протопопов Е. Чувствования уроженца Нижнего Новгорода, живущаго в Казани, по получении известия о занятии Москвы Французами в Сентябре месяце 1812 года. Казань. 1813. С. 12.

¹⁴⁸ Щукин. Ч. 4. С. 62–63.

¹⁴⁹ Тольчева. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. 1880. С. 61–63.

чатую муку и свечи, после чего отдали монастырскому священнику Андрею Герасимову ключи, разрешив служить обедню. В Донском монастыре, где стояла часть 2-го полка гвардии, монахи «хотя и употребляемы были в работы, но жили в совершенной безопасности»¹⁵⁰. В Новодевичьем монастыре водворившиеся там французы «церковную службу велели справлять по-прежнему, жили мирно в монастыре и никто от них обиды не видал», а «с кем бывало встретятся на монастыре, всегда учтиво обойдутся...». В монастырской трапезной лежали больные и раненые, так монастырки за ними ходили, и «они их так бывало благодарят: как только завидят так скажут: “Русски добри, добри”. Нечего сказать, мы с ними жили в ладах»¹⁵¹.

Прекрасно осведомленный о положении в московских храмах и монастырях, в частности о том, что, в «некоторых монастырях приготовленные к вывозу святыни оказались не вывезенными по недостатку подвод», архиепископ и митрополит Московский Филарет в марте 1853 г. вспоминал: «По справедливости можно возблагодарить Бога, что в церквах и монастырях Московских и окрестных, церковная святыня, сокровища и древности, сохранились в таком обилии, в каком ныне видим...»¹⁵².

Что же касается до православного богослужения в Москве, то при французах, оно совершалось беспрепятственно лишь в тех, разумеется, православных храмах, где были священники.

Так, протоиерей Кавалергардского полка о. Михаил (Гратинский), после Бородина оказавшийся в Москве и не сумевший покинуть ее, «испросил у Французского начальства позволение отправлять свободно Божественную службу». Снабженный «письменным видом», священник выбрал уцелевшую «верхнюю» церковь Архидьякона Евпла, что на Мясницкой, к которой по его просьбе было приставлено двое солдат. В «царский» день 15 сентября, когда отмечалось коронавание Александра I, «при многочисленном, по первому удару колоколов, стечении оставшегося в Москве народа, начал отправлять я Богослужение; после о здравии Монарха нашего и всей Его Императорской Фамилии отправлено было молебствие с коленопреклонением, на коем, более часа, во все время, когда народ прикладывался ко кресту, пето было многолетие и продолжался колокольный звон. Вся церковь была омыта слезами. Сами неприятели, смотря на веру и ревность народа Российского, едва не плакали»¹⁵³. Службы в этом храме продолжались и далее.

¹⁵⁰ Описание, что происходило во время нашествия неприятеля в Донском монастыре 1812-го года // РА. 1891. № 10. С. 267.

¹⁵¹ *Толычева*. Рассказы старушки. С. 66.

¹⁵² Осьмнадцатый век... Кн. 1. С. 507.

¹⁵³ Рапорт протоиерея Гратинского обер-священнику Иоанну Семеновичу Державину, 5 декабря 1812 // История Кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка, с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851. Прилож. № 13.

«В праздник коронации у Никиты Мученика и в двух других церквах была служба и, по позволению начальства (разумеется, французского — С.И.), благовестили, — сообщается в документе под названием «Перечень известий из Москвы» от 20 сентября. — Стечение народа было чрезвычайное; но, как по расхищению книг, сосудов, по недостатку просвир и вина, нельзя было служить обедни, то были токмо часы (богослужение, заключающее в себе неизменяемые молитвословия ежедневных церковных служб. — С.И.) с водосвятием»¹⁵⁴.

Таким образом, если в церкви оставались священнослужители, никаких препятствий к совершению богослужения не было; такие церкви реже подвергались грабежу и уж во всяком случае не превращались в конюшни.

По воспоминаниям П.Г. Кичеева, «раз как-то в церковь (по соседству с домом, где он обретался — С.И.) проникли трое подозрительных людей в партикулярных платьях и намеревались сжечь ее; для сего развели уже костер близ образа Св. Георгия, у правого клироса, в теплом приделе». Находившиеся в церкви молящиеся воспрепятствовали им, призвав на помощь французов. «Прибывший по их извещению французский полковник (стоявший в Смотрительском доме) с командой схватил одного из зажигателей, который был приведен к дому моего деда и привязан с связанными руками к столбу у колодца; в таком положении зажигатель пробыл целую ночь под караулом», а наутро был расстрелян¹⁵⁵.

Сгорело в Москве при французах во время общего пожара 1812 г. более 120 церквей, согласно подсчету, сделанному в «Китае», Белом городе и Земляном городе¹⁵⁶.

Пустые храмы, естественно, становились пристанищем бездомных погорельцев, неизбежно привлекая внимание злоумышленников. Молва приписывала неприятелю превращение русских церквей в конюшни, что выглядело особенно кощунственно в глазах православного человека. Для людей, склонных к обобщениям, это представлялось общим поветрием, поскольку от «безбожного француза» ничего иного и ожидать не приходилось. Так, по словам секретаря московского генерал-губернатора, «храмы наши, все осквернены были злодеями, кои поделали из них конюшни, винные погреба и пр. Нельзя представить себе буйства, безбожия, жестокости и наглости Французов»¹⁵⁷. Касаясь того же предмета, Н.М. Лонгинов в одном из своих писем сообщал из Петер-

¹⁵⁴ РА. 1864. № 11–12. С. 1196–1197.

¹⁵⁵ Кичеев П.Г. Из недавней старины. С. 73–74.

¹⁵⁶ «Список сгоревших в Москве церквей во время французского нашествия» // Шукин. Ч. 4. С. 76–78.

¹⁵⁷ Булгаков — брату, 28 октября // РА. 1900. № 5. С. 34.

бурга: «Те немногие церкви, что уцелели в этом ужасающем пожаре, превращены в конюшни: поелику везде, где он («Бонапарте» — С. И.) ни проходил, он всюду ставит своих лошадей именно в церкви. Даже татары не позволяли себе подобных гнусностей»¹⁵⁸. Не иначе как под впечатлением полнившихся слухов и прочитанных разного рода «летучих листов», где описывались ужасы московского «сидения» французов¹⁵⁹, секретарь императрицы с уверенностью писал о том, чему свидетелем не был. Но так ли это было на самом деле и следует ли здесь искать намеренное уничтожение чувств верующих?

Весьма немногочисленные свидетельства этого устойчивого представления, дошедшего до наших дней, не выдерживают никакой критики. В записках, например, московского 3-й гильдии купца Николая Федоровича Котова можно найти запись о том, что «французы делают все поругания церквам, а некоторые живут в алтарях и на престолах обедают, в церквах с женщинами даже спят, в трапезах имеют лошадей и в них гадят»¹⁶⁰. Но все это, опять-таки «сказывают», сам же мемуарист тому свидетелем отнюдь не был.

Если в Москве и были случаи, когда церкви превращались в конюшни, то, скорее всего, речь идет о каменных постройках, тех, что не выгорели, а также, если поблизости пригодных конюшен не было и когда прочие близлежащие помещения были либо затронуты пожаром, либо заняты под жилье. Кавалеристу — улану, кирасиру или драгуну — в первую очередь надо было позаботиться о своей лошади. Нельзя забывать и о многочисленной артиллерии с армейскими обозами. Поэтому, за неимением пригодных мест, французы могли строить стойла для лошадей в непригодных для этого помещениях, в том числе, вероятно, и церквах, если при них не было священников и не совершались богослужения. Поэтому-то «старушка» Т. Тольчева и пишет в одном из своих «рассказов»: «...Неприятели в них спасались от пожара и ставили туда лошадей. Из наших тоже многим пришлось жить в церквах: делать-то нечего, нужда заставила; ведь тут были и старики, и больные, и дети; не погибать же им на улице, когда пошли осенние дожди...»¹⁶¹.

Что и говорить, печальным было положение оказавшегося занятым неприятелем города! Примечательную запись сделал Бро гренадер 7-ой роты французской гвардии, расквартированной в Москве (Mosquo), на

¹⁵⁸ Архив князя Воронцова. М. 1882. Кн. 23. С. 167.

¹⁵⁹ См. например, «Житель Москвы к своим соотечественникам в октябре 1812 года. СПб., 1812. С. 3–4.

¹⁶⁰ Котов Н.Ф. Из «Записок о военных действиях 1812-го года // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века. М., 2007. С. 38.

¹⁶¹ Тольчева. Рассказы старушки. С. 56.

свободном листе попавшейся ему в одном из столичных архивов книги, в которой переплетены бумаги 1782–1784 гг., адресованные московскому городскому магистрату и подписанные тогдашним главнокомандующим Москвы генерал-фельдмаршалом Захаром Григорьевичем Чернышевым. Запись можно перевести так: «Нет француза, который не пребывал бы в отчаянии при виде несчастья, постигшего красивый ваш город Москву. Смею уверить вас, что касается меня, то я оплакиваю ее, поелику она достойна того, чтоб ее сберегли. Если бы вы смогли остаться, не покинув Москву, то сохранили бы ее. Плачьте, плачьте, русские! В несчастьях вашей страны, каковые она претерпевает, виноваты одни только вы»¹⁶². Что заставило этого гвардейца обмакнуть перо в чернила?

После неудачи миссии Ж.-А. Лористона в ставке Кутузова, начиная с 6 октября, когда генерал вернулся в Москву, бессмысленность дальнейшего пребывания в ней Великой армии стала очевидна. Во время смотра, который Наполеон производил дивизиям корпуса маршала Нея, до французов донеслись звуки отдаленной канонады. Вскоре адъютант императора привез известие о сражении, имевшем место близ речки Чернишни. Это положило конец последним колебаниям в ожидании ответа из Петербурга на предложение об открытии переговоров.

Ранее уже появились ряд распоряжений, на основании которых можно было судить о том, что Великая Армия в Москве не задержится. Так, еще 23 сентября Наполеон отдал приказ об эвакуации раненых в Смоленск и повелел задерживать все войска, направлявшиеся в Москву, оставляя их в ожидании дальнейших распоряжений там, где будет получен этот приказ¹⁶³. 27 сентября в Париж отправили ряд трофейных ценностей из числа найденных в Кремле. 30 сентября, когда в Москве выпал первый снег, с Филаретовской пристройки колокольни Ивана Великого был снят крест, что подало в дальнейшем повод к толкам о снятии французами креста с самой колокольни и о том, что его предполагалось водрузить на куполе собора Дома Инвалидов; между тем крест Ивана Великого так и остался в Кремле, о чем в марте 1813 г. сообщили «Московские ведомости»¹⁶⁴. Французские же трофеи дополнили вкуче с прочим двуглавый орел с Никольских ворот и изображение Георгия Победоносца со здания московского Сената.

¹⁶² Шукин. Ч. 7. М. 1904. С. 214.

¹⁶³ Correspondance de Napoléon Ier... Т. 24. P. 228.

¹⁶⁴ «Крест с главы Ивановской колокольни найден ныне в Кремле, у стены большого Успенского собора близ северных дверей между разными железными обломками, с принадлежащими к нему цепями и винтами, кои, так как и крест, вызолочены были червонным золотом <...> Открытие сие чрезвычайно обрадовало жителей здешних, кои вообще полагали, что оный крест увезен всемирным врагом вместо трофея» (Московские ведомости. 29 марта 1813. № 26. С. 747). См. также: Шукин. Ч. 5. С. 6.

Великая Армия начала выступать из Москвы 6 октября. В 5 часов утра 7 октября Наполеон еще находился в Кремле, откуда написал министру иностранных дел Маре герцогу де Бассано, что армия уже на марше и двинется через Калугу или Вязьму. Далее в письме упоминалось о том, что Кремль на следующий день предполагалось взорвать¹⁶⁵.

8 октября начальник штаба Великой армии маршал А. Бертье обратился к Кутузову с письмом, которое можно рассматривать как четвертую, и последнюю, попытку завязать переговоры: «Генералу Лористону поручено было предложить вам о принятии мер, дабы война получила ход, сообразный с установленными правилами, а страна претерпевала бы токмо одни неизбежно от войны происходящие бедствия. В самом деле, опустошение собственной земли столько же вредно для самой России, сколь и прискорбно императору. Вы легко почувствуете, князь, сколь важно для меня узнать окончательное решение вашего правительства по сему предмету»¹⁶⁶. Кутузов ответил в тот же день: «...Обо всем, что составляет предмет сего нового обращения я уже немедленно представил Его Императорскому Величеству, и передатчиком сего был, как, без сомнения, вам известно, генерал-адъютант князь Волконский. Однако, принимая во внимание дальнейшее расстояние и дурные дороги в настоящее время года, невозможно, чтобы я мог уже получить ответ по этому поводу. А потому мне остается только сослаться на то, что я имел честь сказать по этому вопросу генералу Лористону. Однако повторяю здесь истину, значение и силу которой вы, князь, несомненно оцените: трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел, народ, который в продолжение двухсот лет (!) не видел войн на своей земле, народ, готовый жертвовать собою для родины и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных...»¹⁶⁷.

По выступлении из Москвы основных сил Великой армии численностью более 110 тысяч солдат, в городе остался гарнизон под командованием маршала Мортье. 10 октября в 11 часов вечера гарнизон вышел из Кремля, перешел Каменный мост и двинулся далее по Калужской дороге. Таким образом, французы окончательно покинули Москву, пробыв в ней 38 с половиной — 39 суток. Вскоре, между двумя и четырьмя часами ночи 11 октября, остававшиеся в Москве жители слышали шесть сильных взрывов, раздавшихся через разные промежутки времени со стороны Кремля, подорванного в пяти местах. Пострадали две башни и часть стены, Грановитая палата, Кремлевский дворец, часть Арсенала.

¹⁶⁵ Шукш. Ч. 5. С. 159.

¹⁶⁶ Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1837. Т. 6. № 22. С. 169.

¹⁶⁷ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1955. Т. 4 (2). С. 38–39.

Разрушений могло оказаться больше, но в ту ночь было сыро, накрапывал дождь, и заложенные заряды не сработали¹⁶⁸.

Впрочем, вполне возможно, осуществить разрушительные замыслы помешало и то, что «некоторые чиновники полиции, вышедшие из Москвы перереяженные, ходили в нее и приносили разные известия барону Винцингероде»¹⁶⁹, прикрывавшему направление Москва – Петербург. Узнав о намерении французов взорвать Кремль, генерал-майор Фердинанд Федорович Винцингероде предпринял решительные действия, чтобы вытеснить из Москвы еще не покинувшие ее французские части. Отрядив авангард под командованием генерал-майора И.Д. Иловайского (4-го) и поручив командование остальными силами генералу А.Х. Бенкендорфу, Винцингероде атаковал передовые посты противника, вытеснив затем встретившиеся силы противника за пределы города и в целом сохранив Кремль от уготованного ему разрушения.

Впоследствии было много толков, гневных речений и домыслов о том, чем было отмечено оставление Москвы Великой армией.

Известный в то время С.Н. Глинка писал: «Наполеон хотел и город, и Кремль и на сто верст в окрестностях все превратить в пепел и прах; но священные московские соборы, оставленные под охранение правосудного Бога, устояли в то самое время, когда по всем расчислениям надлежало им быть грудой камней. Очевидцы рассказывают, что над соборами как будто бы разорвались облака и пролился необычайный дождь». Наполеон «злоумышлял расторгнуть все связи Москвы с Россией, истребить все памятники святости и славы отечественной: ему хотелось, чтобы странник, влекомый к древней столице прежними воспоминаниями, с содроганием бежал от мест праха и опустошения, и скорбным стоном вещал бы: Нет уже матери городов; осиротела Россия»¹⁷⁰. Вероятно, тот же Глинка в начале 1813 г. в заметке «Клеветы о зажигательстве Москвы» писал, защищая уже поносимого москвичами Ростопчина: «Изверг Наполеон, воскипя яростию за то, что в древней Руской Столице не встречен, не угощен, не позабавлен балами и маскарадами, изрек в злбном сердце: выжгу древнюю Рускую столицу! Она была – ее нет!»¹⁷¹.

Через десять с лишним лет после событий войны 1812 г. неизвестный сочинитель писал «по прочтении разных писателей» собственные «размышления» о происшествиях 1812 г., не вдаваясь, правда, в дальние «рассуждения»: «Повеления его (Наполеона – С.И.) при отступлении

¹⁶⁸ Шукин. Ч. 5. С. 159, 165, 167.

¹⁶⁹ Шаховской А.А. Первые дни в сожженной Москве // РС. 1889. № 10. С. 38–39.

¹⁷⁰ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 226. Оп. 1. № 375. Л. 133об.

¹⁷¹ Русский Вестник. 1813. № 2. С. 95.

подорвать Кремль и сжечь Смоленск, останутся навсегда постыдными знаками низкой злости»¹⁷².

Сто лет спустя один из ревнителей памяти 1812 года писал в связи со столетним юбилеем войны о том, что 8 октября из села Троицкого Наполеон, «охваченный жаждою мщения», послал приказ маршалу Мортье взорвать Кремль и сжечь «все общественные здания за исключением Воспитательного дома». Но «Господь не допустил совершиться злодеянию»: взрывы потрясли «старинный Кремль московский, наследие древней Руси, но стены его не разрушились...»¹⁷³.

Попытку взрыва Московского Кремля проще всего объяснить лютой ненавистью «безбожного корсиканца», который узрел, наконец, что все его планы рухнули. На самом деле в этом деянии вряд ли следует непременно усматривать кошунственный и святотатственный смысл. Более правдоподобным кажется другое объяснение, доступное пониманию всякого военного, в том числе и русского. Как известно, в осенне-зимнее время военные действия в прошлом велись редко. Армии переходили на зимние квартиры, чтобы весной возобновить военные действия. 1812 г. в этом отношении не исключение: Великая Армия покинула Москву и должна была переждать суровые времена на зимних квартирах, пополнить личный состав и отдохнуть, чтобы весной начать новую кампанию. Московский Кремль, представлявший собой, с чисто военной точки зрения, в первую очередь крепостное сооружение, мог явиться препятствием на пути французов, если бы весной 1813 г. война возобновилась новой кампанией. Поэтому, следуя практике, не раз применявшейся в прошлом, Наполеон и отдал приказ о разрушении Кремля. Та же участь ожидала и другие крепости от Москвы до западной границы России.

«Мщения! мщения! – восклицал поэт К.Н. Батюшков. – Варвары! вандалы! и этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии, и мы были так ослеплены, что подражали им как обезьяны! <...> Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук, все осквернено шайкою варваров! Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами Генриха (IV) и Фенелона. Сколько зла! Когда будет ему конец?»¹⁷⁴.

Поэт не был одинок в постигших его раздумьях и мрачном настроении. Не столь уж неожиданным выглядит и такой пассаж из письма влиятельного государственного деятеля графа Н.С. Мордвинова к бывшему

¹⁷² Размышления о войне 1812 года, по прочтении разных писателей и по соображении различных суждений об оной. СПб., 1828. С. 33–34.

¹⁷³ Андрианов П. М. Великая Отечественная война (По поводу 100-летнего юбилея). М., 1912. С. 67.

¹⁷⁴ Батюшков К.Н. Сочинения. СПб., 1887. Т. 3. С. 205–206.

генерал-адъютанту Павла I Н.О. Кудлубицкому: «Желал бы я слышать, что все злые духи бегут по всем дорогам из городов наших: исчадия адские – Французское учение, Французские прихоти, наряды, одежды, Французские книги, театры, газеты, Французский язык и порожденные оным привычки и мысли»¹⁷⁵. Переживаемая эпоха казалась Мордвинову «благословенным временем для доброго начала», но он не скрывал своей тревоги, полагая, что «упустят время, и останемся мы в порабощении гнуснейшем и пагубнейшем, нежели были в опасении от меча и огня их». В том же 1812 г. тот же Н.С. Мордвинов обещал, что пока Родина в опасности, он собирался обедать не 8-ю, а лишь 5-ю блюдами и отказываться от французских вин, а жена и дочери должны были перестать носить туалеты и украшения, изготовленные французскими, а не российскими мастерами. Разницу адмирал обещал вносить в казначейство на расход по защите Родины¹⁷⁶. Выполнил ли он обещанное, неведомо, что не так уж важно; существенным здесь представляется другое: искоренение влияния французской культуры Мордвинову представлялось куда более важным, чем ликвидация крепостничества, порабощения воистину «гнуснейшего и пагубнейшего».

¹⁷⁵ РА. 1912. № 6. С. 247.

¹⁷⁶ Матвеев Н. Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 г. С. 179.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>